

ДРАКОНЬЕРЫ

ЧАСТЬ II

ПУТЬ В БЕЗДНУ

ДАРИЙ ДЮЖЕ

Дарий Дюже

Драконьеры. Часть II.

Путь в Бездну

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9804919

ISBN 9785447409319

Аннотация

Вторая и заключительная часть романа о приключениях и испытаниях Луня и Лели в огненном мире Бездны. Сможет ли Лунь остаться человеком или же навсегда останется Ираем – драконом, который погубит человеческий мир? Хватит ли ему человечности, смелости, доброты и любви, чтобы преодолеть препятствия и пройти свой путь до конца?

Содержание

Леля. Сорванные маски	5
Лунь. Тот самый дракон	46
Леля. Время спокойствия души	83
Лунь. Сны и видения	106
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Драконьеры

Часть II. Путь в Бездну

Дарий Дюже

© Дарий Дюже, 2016

© Дарья Махонина, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Леля. Сорванные маски

Силы возвращались ко мне с каждым днём всё быстрее. Неделю назад самостоятельно встала с постели и уложить меня обратно никто не смог. Я знала, что мне лучше не покидать земной тверди, пока силы не вернутся окончательно. Твердь острова давала хоть и призрачную, чисто символическую, но всё же защиту, и сейчас это было немаловажно.

Команда безропотно приняла моё молчание. И даже Хмысь и Лодан, успевшие в моё отсутствие спеться, не оспаривали это право молчания. Я не стала рассказывать, как и почему исчезла с острова Холодных берегов, что произошло потом, и почему их драгал разыскал дракон. И почему этот дракон принёс меня. Я осталась человеком. Вопреки воле Бездны... Но во мне мало что осталось от прежней Лели. Я ждала. Ждала возвращения не только сил, но и знака. А пока – просто жила. У меня начало часто болеть сердце, я скрывала этот недуг как могла, но не всегда получалось. Было такое впечатление, что в груди вместо простого человеческого сердца – кристалл, который, пульсируя, режет острыми гранями грудь.

В первые же дни исследовав окрестности, пару раз приняв участие в рыбной ловле, я почувствовала тягу к одиночеству, к движению, появилось желание удрать от суеты, весёлой энергии молодых задорных ребят. Не придумав ниче-

го лучшего, отстала от идущих к озеру ребят, с которыми отправилась на рыбалку, спряталась в кустах. Потом выбралась на тропку и пошла в противоположную сторону.

Бездна нежилась под лучами Осколка, лениво перетекали волны излучения, мягко меняя цвет от ярко-оранжевого к тёмно-коричневому, отражаясь в низких густых облаках. Я подошла к самому краю обрыва и, подобрав горсть мелких камешков, со злостью швырнула их в Бездну. Мне хотелось кричать, кричать, а не просто тихо швыряться в Бездну безобидным песком. Она поиздевалась надо мной, заставила причинить боль идущим рядом, заставила хранить тайну, теперь – жгущую раскалённым углем душу. И я ненавидела её всеми силами души.

Да, я могла бы раскрыться Хмысью и наверно – Лодану. Они бы поняли и поверили, но при любом моём распоряжении неизбежно возникала мысль: а не Бездна ли мной руководит? И это останавливало. И, кроме того... Я боялась... Очень боялась, что так оно и будет. Не знаю, каким образом меня вытащили неожиданные союзники, но и их вмешательства могло оказаться недостаточно. Недаром повелительнице Бездны было «интересно...».

Наверное, я шла на звук, на звук плача – отчаянного и безнадёжного. Но осознала это, только когда вышла на полянку. Посредине поляны стоял небольшой фургон, самого обычного вида. Вот только шипохвост лежал мёртвым, с проломленным черепом – здесь явно побывал какой-то крупный

хищник, скорее всего, тварь-из-бездны. В нескольких метрах от фургона мёртвым кулем лежала молодая женщина, над ней-то и рыдала девчушка лет девяти – десяти, судорожно сжав кулачки и колотя ими по траве. Нелёгкая вынесла меня к очередному финалу маленькой драмы.

Кажется, девочка даже не поняла, что рядом кто-то находится, причём – кто-то чужой. Потеря близких, кровавая трагедия, развернувшаяся на глазах девочки, привели её в неменяемое состояние. Опустившись рядом на колени, слегка коснулась её плеча, пытаюсь привлечь внимание, и едва не отшатнулась, когда девочка порывисто обняла меня, спрятав лицо на груди. Ничего не оставалось, как попытаться её успокоить и увести отсюда.

Какое-то время сидела, поглаживая ребёнка по волосам, давая возможность выплакаться, но меня беспокоила одна мысль: далеко ли ушла та тварь?

– Она-а ун-несла п-па-апу, – девочка подняла ко мне зарёванное личико, – он-на в-вернётся, д-да?

– Нас здесь уже не будет, – успокаивающе произнесла я, – как тебя зовут?

– Ве-еша.

– Веша?

– Да.

– Вот что, Веша. Мы сейчас поднимемся и пойдём отсюда, тварь, ведь это была тварь, верно, может вернуться в любой момент, мне совсем не хочется встречаться с ней.

– Но мама...

Отлепившись от меня, девочка схватилась за безвольную руку мёртвой, а я, только сейчас обратила внимание на круглый живот, худой, в общем-то, женщины. Что я могла? Только стиснуть зубы – жизнь погибла, даже не родившись, и виновницей опять была Бездна.

– Пойдём, Веша, – поднявшись с колен, взяла девочку за руку, – пойдём. Если мы быстро доберёмся до моих друзей, то, может, мы успеем раньше твари и похороним твою маму, как подобает.

Поколебавшись мгновение, девочка кивнула, медленно отпустила руку матери и встала.

– Берегись! Слева!

Я вздрогнула от резкости, неожиданности окрика, но это был голос Хмыся.

Тварь вышла из леса на поляну сбоку, слева, так тихо, что я её даже и не слышала. И когда раздался крик, она уже начала разбег – поляна была небольшая, и разбега для броска почти не требовалось. Я замешкалась, на миг мне показалось, что это Трофей, но это был не он.

Я была безоружна – ведь шла на рыбалку, в сопровождении воинов хоть и настроенных на мирный лад, но, как всегда вооружённых до зубов, и кроме засапожников ничего не взяла. И когда убегала, даже мысль не мелькнула, что мне может понадобиться оружие...

Оттолкнув девочку, я выхватила кинжал, и в этот миг

тварь прыгнула...

Благодаря Луню и Трофею я знала уязвимые места таких тварей, но в них так трудно попасть! Глаза, ушные раковины – если пронзить мозг, глотка... что ещё? Если вспороть твари-из-бездны мягкую брюшину – всё равно успеет меня прикончить, даже когда её внутренности будут волочиться за ней по земле. Такие случаи были известны.

Тварь прыгнула... всего на миг показав брюхо и грудь, покрытые жёсткой короткой шерстью – но не роговыми пластинами, и я метнула кинжал. И почувствовала, да скорей всего – именно почувствовала, а не увидела, как мимо пронеслись три стрелы, вонзившиеся в тело твари лишь на секунду позже кинжала. И плавная строгость прыжка сломалась, мощь, пославшая чудовищную машину смерти вперёд, исчезла: даже не взвизгнув, тварь как-то ломано, неловко, упала в траву. Ярко-жёлтые глаза потускнели, тело сотрясла конвульсия.

Тварь упала всего лишь в двух шагах, я смотрела и не верила глазам, казалось, что она сейчас вскочит и снова бросится на добычу. Но та лежала неподвижно, приподнявшаяся чёрная губа ощерила острые клыки – она словно усмехалась, насмешливо и поощрительно.

Не знаю, что именно вывело меня из изумленного оцепенения: то ли мягкая ладошка, доверчиво лёгшая в руку, то ли торопливые шаги Хмыся. Я смогла оторвать взгляд от оскала мёртвой твари и посмотрела на ребёнка.

Да, лет десять, может – одиннадцать. Непослушные рыжевато-каштановые волосы, густой волной ниспадающие на плечи и спину, подчёркивающие нежный, по-детски округлый овал лица, маленький прямой носик... Ребенок очень милый, но зарёванный. И прозрачно-зелёные глаза, доверчиво и изумлённо рассматривающие меня, наверно, с таким же любопытством, как и я – её.

– Леля... ты убила её... Посмотри: две мои стрелы попали ей в брюхо, одна – в лапу. Тварь не издохла бы от этих ран, они лишь немного замедлили б её, да разъярили. А теперь смотри сюда: твой кинжал попал в межрёберную щель и вошёл в сердце...

С этими словами юноша отпустил лапу твари, которую держал на весу, встал с корточек:

– Честно говоря, тебе везёт, как везло Луню – сказочно.

– Ты думаешь, он мёртв?

Хмысь пожал плечами, отвёл взгляд:

– Я сомневаюсь в том, что жив...

– А как ты тут оказался, а, Хмысь?

Я только теперь сообразила, что его появление, судя по всему, спасшее мне жизнь хоть и своевременно, но несколько неожиданно.

– Как тебе сказать... – замялся юноша.

– Как есть, так и говори, – твёрдо ответила я.

– Ну... понимаешь...

Я молча смотрела на него.

– Ну живот у меня болел сегодня! – наконец выпалил он и густо покраснел, – Ну, я и отстал от ребят...

– Леля... – для пущей верности Веша дёрнула за руку, – это не та тварь...

– Не та, что напала на вас? – я перевела взгляд с Хмыся на ребёнка.

– Думаю да, – девочка пристально смотрела на труп. – Она была немного другой, и, кроме того... – я почувствовала, как вздрогнула маленькая ладонь в руке, – я думаю, у той твари морда была бы окровавлена.

Несколько мгновений мы с Хмысем переваривали эту новость, потом юноша принялся бесцеремонно вытаскивать свои стрелы из твари.

– Нам лучше побыстрее уйти отсюда, девочки, второй раз может так не повезти...

Словно подтверждая эти слова, невдалеке раздался вой, вой торжествующего хищника. Ладошка девочки стала странно мягкой и попыталась выскользнуть из моей ладони. Бледного, потерявшего сознание ребёнка пришлось поднимать с земли: не так уж много в ней сил, чтобы стойко переносить подобные испытания...

Знак был дан. Дан, и понят. Я смотрела в мрачные лица спутников и понимала: пора в путь. Мы готовы, мы все готовы – эта случайная стоянка была последней передышкой, последним отдыхом перед боем. Перед последним боем – дру-

того уже не будет.

Мы успели первые, а, может, тварь насытилась одной из своих жертв и не собиралась возвращаться. Всё может быть. Как бы то ни было – мать Вेशи похоронили мы: в земле, а не в утробе хищника или пасти Бездны. Ребята вырыли глубокую могилу и опустили в неё тело, саваном послужила грубая холстина, ничего другого на драгале не нашлось. Засыпав землёй и завалив камнями, мы немного постояли над могилой: прощальное слово могла сказать только Веша, как единственная здесь, знающая мать при жизни, но она тихо плакала, прижавшись ко мне.

Раньше хоронили мертвецов проще – завернув в погребальное покрывало, скидывали с обрыва, хоронить умерших в земле стали при моём отце. Он не объяснял мне причин своего решения, да и почему его люди послушались – загадка. Ведь традиция сжигать тела в топке Бездны – многовековая, а такие традиции не исчезают просто так, тут нужны серьёзные доводы. Задумываясь над этим теперь, пришла к выводу, что несколько странно, то что я не знаю причин. Отец мог не хотеть посвящать в суть проблемы, но ему надо было убедить остальных поселян, иначе бы его никто не послушал. Но у кого б ни спрашивала об этом, все отвечали как-то уклончиво так, как будто не понимали истинной причины, доверяя знаниям моего отца...

Рассвет застал нас в пути. Мы шли в прибрежном течении, огибая остров, Веша сказала, что где-то неподалёку есть де-

ревня, оттуда она родом. Правда, родственников у девочки больше не осталось, но брать её с собой в такое путешествие я не собиралась, а в деревне наверняка найдётся добрая душа, которая пригреет сироту. Пока же ребёнок спал в моей кровати, а я стояла на носу судна и смотрела вперёд – вдаль. И вскоре, миновав очередной мысок, мы увидели деревню... то есть то, что от неё осталось. Несколько десятков домов, а, вернее – чёрные от дыма, обгоревшие остовы, причал ещё полыхал. Видимо, мы едва разминулись с драконьерами.

– Нет.

Я и не заметила, как она пришла и стала рядом. Вцепившись в перила побелевшими пальцами, девочка смотрела на сожжённую деревню и повторяла:

– Нет. Нет. Нет.

Без крика, без надрыва, без выражения. Я смотрела на Вешу и чувствовала, как где-то внутри собирается ледяной ком – я уже слышала однажды этот тон, эти слова... Одна безумная старуха, загребающая горячие уголья голыми руками, уголья, недавно бывшие её домом, её семьёй и жизнью, повторяла это слово так же, как сейчас Веша. Но ушедшего – не вернуть.

– Веша, – девочка не откликнулась, и мне пришлось встряхнуть её за плечи, – Веша! Тут есть ещё деревня?

– Деревня?

– Да, деревня.

– Есть, может быть.

– Это как?

– Если её ещё не уничтожили драконьеры...

– Леля, – это Хмысь, сдав вахту, подошёл к нам, – не думаю, что есть смысл искать вторую деревню.

– Но почему?

– Посмотри, причалы ещё полыхают, а драконьеров и духу нет. Если они ушли от острова вглубь Бездны – их было бы видно. Но их нет, скорее всего, они двинулись вокруг острова, как делают обычно: всем известно, что деревни строят на обрывах...

– Но тогда...

– И даже не думай! – перебил юноша. – Мы не успеем их предупредить – только сами попадёмся.

– Но тогда...

– Да. Нам придётся взять Вешу с собой, – твёрдо ответил он на невысказанное предположение.

– Но драгал и наш путь – не для маленькой девочки! – возмутилась я.

– В таком случае – и тебе тут не место, – раздался новый голос и из-за спины вышел Лодан. Занятая разговором, я не заметила, как подошёл юноша.

– Та-ак, – протянула я, скрестила руки на груди, – да у нас тут заговор! Спелись, голубчики!

Ребята переглянулись и хором ответили:

– Ага!

– Леля... – Веша больше не смотрела на берег и, кажется,

пришла в себя. – Леля... пожалуйста... возьмите меня с собой. У меня никого больше не осталось, даже просто знакомых. Все, кого я знала – мертвы. Если вы меня посадите – я умру, я знаю. Ну пожалуйста!

Всхлипнув, девочка упала на колени и закрыла лицо руками.

– Тихо, маленькая. Не плачь, – Лодан поднял её на руки, но девочка разревелась ещё сильнее, уткнувшись ему в плечо. – Конечно, мы возьмём тебя с собой. Да, Леля?

Ненавижу, когда мне выкручивают руки.

– Да, Веша, мы возьмём тебя с собой.

Девочка перестала плакать и недоверчиво посмотрела на меня, я улыбнулась:

– Но плакс и грязнуль – за борт!

– Я больше не... я сейчас!

Соскользнув с рук юноши, девочка умчалась в каюту, проведив её взглядом, хмуро взглянула на довольных приятелей:

– Под вашу ответственность. Если с ребёнком что-то случится – высажу на первом же острове.

Может, я была не совсем права. Вполне возможно, что Веше, правда, лучше было остаться на драгале. Но меня не отпускала мысль, что рано или поздно путешествие окончится в топке Бездны, и лучше бы ребёнку быть где-нибудь подальше.

Время... уходило. Текло незримой рекой и даже малой толики не оставляло в ладонях...

Четыре недели прошло с момента принятия на борт нового члена команды, Вещи. Четыре недели наше судно бороздило просторы Бездны, играя в пятнашки с драконьерами, вырываясь из штормов, уворачиваясь от плевков излучения: дня не проходило без происшествия.

Я искала, искала Луня, искала заповедный остров драконьеров. Ведь я – драконьер, и должна почувствовать его. Но не имела возможности рассказать об этом команде, и поэтому мои приказы казались им бессмысленными, и то, что поиски пока были безрезультатны, лишь подливало масла в огонь. Я понимала это, но всё же надеялась, что поиск будет окончен прежде, чем вспыхнет возмущение людей.

Подходил к концу очередной нервный и длинный день, Осколок опускался в багровое море на закате. Я стояла на палубе и смотрела на отдаляющийся берег острова. очередная пустышка, очередная неудача. Я начала привыкать к ним.

– Леля.

Голос принадлежал Хмысю и был достаточно требовательным, чтобы я развернулась к нему. Юноша был не один, а с вечным своим наперсником – Лоданом, и оба выглядели встревоженными.

– Нам надо поговорить без лишних ушей.

– Надо, так надо. Идёмте.

Я провела их в каюту, которую занимали мы с Вешей, вообще-то, единственную на всём драгале.

Девочка сидела на кровати и вертела в руках деревянного Трофея.

– Что у вас? – тон получился резким и раздражённым, но у меня не было сил брать себя в руки.

– Леля, тут такое дело... – Хмысь выглядел нерешительным, и это удивляло, – понимаешь...

– Что мы ищем, Леля? Что... или кого? – перебив лепет напарника, требовательно спросил Лодан.

– Это всем известно, я не скрывала своих целей.

– Да, но как ты их ищешь? Вслепую? Но нам жизни не хватает обшарить все острова...

– Нет... не вслепую.

– Тогда как?

– На ощупь, – усмехнулась я. Ну не говорить же им, что я иду, действительно, почти вслепую, доверяясь слабым подсказкам сердца?

– Это не смешно, – насупился Хмысь, – всё очень серьёзно. Ты, может, и не обратила внимание, но команда недовольна, и есть уже такие, что заговаривают о возвращении домой.

– Если так будет продолжаться, в один прекрасный день нас просто высажат на берег какого-нибудь острова, а сами тю-тю... – поддержал друга Лодан.

– И что вы предлагаете?

Прежде чем ответить, ребята переглянулись – договаривались, кому говорить.

– Поговори с командой, объясни, чем ты руководишь в поисках. И всё будет прекрасно... – предложил Хмысь. Я только головой покачала.

– Нет. Я не буду этого делать. Либо вы все доверяете мне, либо нет. Я не могу вам ничего объяснить, а врать не буду.

На какое-то время в каюте установилась тишина, мы рассматривали друг друга и молчали.

– Ну хорошо, – наконец заговорил Хмысь, – не всей команде, хотя бы нам можешь объяснить в чём дело?

– Хотела бы, но не могу. Этот разговор бесполезен. Идите уже отдыхать...

Они ушли. Недовольные и расстроенные, они, конечно, хотели помочь, но иногда помощь заключается в невмешательстве. Когда за ними закрылась дверь, я опустилась на кровать и закрыла глаза – в последние дни сердце болело сильнее и дольше, чем обычно, и это тревожило. С другой стороны, это могло указывать на то, что остров драконьеров где-то недалеко. Чем не повод для радости?

Дверь хлопнула, открыв глаза, я поняла, что осталась в одиночестве: Веша убежала на палубу, бросив фигурку Трофея на покрывало кровати.

С первых дней пути девочка стала любимицей всей, без исключения, команды, и не потому, что все знали о её трагедии, но из жалости. Веша обладала дружелюбным и весё-

лым характером с немалой толикой любопытства, и – океаном энергии. Она была готова с утра до вечера носиться по палубе, где-то помогая, где-то мешая, но там, где была девочка, постоянно звучал смех. Вот и сейчас, едва она оказалась на палубе, как прозвучал взрыв хохота. Осторожно приоткрыв дверь, я увидела, что ребёнок висит вниз головой, на уровне лица Лодана, и тот что-то терпеливо растолковывает ей. Но ребёнок мало его слушал, дрыгая свободной от верёвочной петли ногой, она пыталась развернуться к зрителям. Штанишки, которые мне пришлось пошить ей в первый же день, так как оказалось, что в длинной юбке лазить по вантам несподручно, свободно позволяли это.

Команда и не подозревала того, что видела я: смятой, развороченной постели поутру, от постоянных метаний ночью, тихих слёз – жалкой попытки не разбудить меня. Несколько раз вставала, пытаюсь успокоить ребёнка, но тогда слёзы лились рекой, Веша просто не могла остановиться, и я перестала вставать. Тихо лежала, слушая как она плачет, и через некоторое время девочка успокаивалась и засыпала беспокойным, тяжёлым сном. Бездна нанесла ей рану, неизлечимую даже самым искусным целителем – Временем, и не мне с ним тягаться.

Минуло ещё несколько дней, относительно спокойных, команда чуть оттаяла, расслабилась. Даже разговоров о том, чтобы вернуться домой – на остров Холодных Берегов, ведущихся уже в открытую, стало меньше.

Ранним утром из багрового марева выплыла тёмная туша – очередной остров. Я в это время стояла на носу. Разбуженная Вешей, с трудом потом засыпала и часто выходила на палубу, чтобы скоротать последние ночные часы перед восходом. Так было и сегодня. Я стояла на носу драгала и смотрела на медленно приближающуюся тушу острова: что ждёт там? Очередная неудача? Очень даже может быть...

Кроме меня бодрствовал только Хатён – он заступил на вахту перед самым рассветом, и теперь стоял за рулём молчаливо и сосредоточенно. Даже не обратил внимания на крик луны, внезапно прозвучавший совсем рядом.

Луны давно уже не приносили вестей – со дня смерти отца. Не знаю, может, эти загадочные птицы не пожелали служить Мориту, а, может, брат ещё и не оправился от пережитого... и поделом ему.

Птица вела себя странно: кружила вокруг драгала, расширяя круги и спускаясь, но не делала ни малейшей попытки сесть на палубу или передать как-то весть. Наконец, снизилась до уровня палубы, так, что порывы ветра от её крыльев трепали мне волосы, даже Хатён не удержался в первый момент от изумлённого возгласа: нам были видны все пёрышки в крыльях!

– Чего ты хочешь?!

Мой вопрос потонул в шорохе крыльев, птица на мгновение зависла передо мной, и вдруг устремилась вперёд – как бы ведя драгал за собой – к острову. Может, появление

луны предвещало столь долгожданную удачу?

Рассвет успел разгореться ясным днём, когда мы наконец-то причалили, единогласно решив пристать к обрыву там, куда приведёт луна. Берег был пустынным – никто не прибежал к причалу, встретить драконью галеру, деревня молчала. Не слышно было даже обычных деревенских звуков – криков домашней птицы, лая собак, голосов животных – деревня словно вымерла... Впрочем, так оно и оказалось – деревня была мертва, судя по всему, вот уж несколько недель, это стало понятно после первого беглого осмотра. Мы бы отчалили немедленно – совсем не хотелось провести ночь рядом с погибшей деревней, но была на исходе вода, а где-то рядом должна протекать река. И мы остались, решив провести тут одну ночь.

Река действительно оказалась недалеко за околицей деревни, и к вечеру наполнили все опустевшие сосуды – осталось только погрузить их на судно, и можно отплывать. Мы оставили на это следующее утро.

Рассвет застал нас за работой. Несмотря на то что все спали на борту драгала (никто не захотел ночевать на земле погибшей деревни), ночь была какой-то тревожной, тяжёлой. Едва выспав дневную усталость, ребята занялись погрузкой бочек. Меня от этой работы отстранили, сославшись на достаточное количество рабочих рук. Понаблюдав за погрузкой, я сошла на берег, дежурный по стряпне как раз разводил огонь под огромным котлом. Деревенские дома равнодушно

плялились на суету пришельцев.

Что хотел показать нам лунь? Я уже однажды пошла за этой птицей, угодив в западню, чего ждать на сей раз? Кто вёл сюда – друг или враг? И не у кого спросить совета... Разве что – у этих онемевших домов?

Вчера лишь убедились, что деревня мертва: на большее не хватило духу, но может, стоит взглянуть на дома поближе? Может, найдётся что-то важное?

Размышляя, я отдалилась от суеты возле драгала, и медленно, всё ещё не приняв окончательного решения, шла к деревне. Что может найтись существенного в домах поселян, кроме пары монет, да еды и утвари?

Ответом стал гневный крик луня да стремительный рощерк белых крыльев: выставив когти, с открытым клювом, на меня падала разгневанная птица. Но чем?

От удара я пошатнулась, с трудом удержавшись на ногах: от рукава остались истерзанные лохмотья. К счастью, руку, которой заслонила, лишь слегка оцарапало – основной удар пришелся на куртку. А лунь снова готовился к атаке: на мгновенье зависнув в вышине, ринулся вниз, я развернулась и бросилась бежать. Кем бы ты ни был, каким силам ни служил – я не приму боя, не хочу тебя убивать...

Как оказалось, я отошла достаточно далеко от драгала, и не успевала добежать до него: услышав за спиной звук рассекаемого воздуха, бросилась на землю плашмя – лунь гневно закричал, промахнувшись. В третий раз он не промах-

нётся. Но я успела раньше, с разгона влетев в гущу столпившихся ребят: зрелище нападающего на человека луня привело их, судя по всему, в ступор, в своеобразный шок. Только Хмысь, опомнившись, лихорадочно заряжал самострел, но птица зависла над нами в нерешительности, изредка гневно крича, и я приказала не стрелять. Лунь так и не решился напасть: покричал-покричал и развернулся к Бездне, тяжело взмахивая крыльями, медленно растворился в багровом мареве.

Команда медленно приходила в себя: ребята зашевелились, негромко обсуждая случившееся, с недоумением поглядывая на меня. Но я не могла им дать какое-либо объяснение, я сама ещё ничего не понимала.

– Ты как? Не ранена?

Лодан взял меня под руку, потянул в сторону.

– Веша, принеси сумку с лекарскими запасами.

Кивнув, девочка вприпрыжку помчалась на драгал.

Разрезав остатки рукава кинжалом, он осмотрел царапины, оставленные когтями луня, авторитетно сообщил:

– Жить будешь.

А мне захотелось рассмеяться, вот только это слишком было бы похоже на истерику.

– Лодан, на меня напал лунь, а ты думаешь о каких-то царапинах!

– Ничего себе: «каких-то»!

– Эти птицы никогда не нападали на людей! На людей,

слышишь, Лодан?! На людей!

– Да, – встряла запыхавшаяся Веша, – они нападают только на драконьеров!

Пожалуй, девочка произнесла это слишком громко. Стоявшие неподалёку Хатён и парень, к которому из-за нескладного долговязого телосложения привязалось прозвище Длинный, настороженно посмотрели на нас.

Но мне было не до них, в ушах звучал звонкий голос девочки: «нападают только на драконьеров». Вот в чём дело! Луни видят не только внешнюю оболочку, но и сущность. Я... Я и есть драконьер. Вот почему он напал.

– Леля! Леля, тебе плохо?!

Лодан почему-то смотрел сверху вниз, нависая надо мной, и только чуть погодя сообразила, что сижу на земле: догадка ошеломила и я перестала контролировать себя.

– Н-нет. Всё в порядке...

– Леля, никто не знает, нападали ли луни когда-либо на людей, как не знает, нападали ли на драконьеров или нет.

– Это неважно...

– Леля, что происходит? – голос был очень требовательным и принадлежал Хмысю. Он стоял впереди команды: лица стоящих за ним ребят были решительны и угрюмы.

Вот и всё Леля, была у тебя команда, и нет её, – я не пыталась врать себе. Только ребёнок не сопоставил бы факты последних событий и только ленивый не сделал соответствующих выводов.

– Хмысь, не сейчас!

Лодан вышел вперёд, остановившись напротив юноши, загораживая меня и Вешу.

– Потом будет поздно, отойди Лодан. Мы должны знать: кто и куда нас ведёт.

– Если вы сейчас все не уговоритесь и не отстанете с дурацкими вопросами, вас никто никуда не поведёт – Бездна вон, идите прыгайте. Другого выхода уже не будет.

– А ты что же, обособился от нас? – в голосе юноши сквозила неприкрытая угроза.

– Да, мне не по пути с дураками и самоубийцами, которые делят всё на чёрное и белое, – Лодан, казалось, и не заметил её.

– Последний раз прошу: отойди. По-хорошему.

Удара я не видела, Лодан упал в мере от нас, приложившись затылком о булыжник, и больше не встал. Оставалось лишь надеяться, что не насмерть.

– Ничего, – ухмыльнулся Хмысь, потирая кулак, – у него голова крепкая... выживет. Так что, Леля? Что можешь нам сказать?

Я пыталась. Я честно пыталась, вот уж больше минуты, ещё до того, как Хмысь ударил Лодана, и не могла. Язык отнялся, онемел. Я не могла даже разжать губы, не то что слово произнести. Видела всё возрастающее недоумение на их лицах и молчала, только чувствовала тёплое дыхание Вешы на щеке.

– Леля! – девочка попыталась встряхнуть меня, но её ладони обжигали. – Леля, что с тобой?

Я рванулась, пытаюсь освободиться, перед глазами поплыло, и я почувствовала щекой острые мелкие камешки, но ничего не видела. В дымке, повисшей перед глазами, медленно проступил кристалл, по форме отдалённо напоминавший сердце: он, то становился прозрачным, как слеза, то уплотнялся, сверкая острыми синими гранями... Но и в том, и в том состоянии через него шла сеточка пульсирующих красным жил – вены, наполненные кровью.

Я лежала, слушая, как онемение распространяется по телу, чувствуя обжигающие ладошки девочки, ощущая испуганно-ошеломлённую тишину, и мечтала только об одном. Умереть. Потому что саднящая боль в груди – в сердце, и перепуг команды говорили об одном: слёзы дракона не действовали. Или же, их силы просто не хватило...

Небо плавилось. Плавилось и стекало вниз горячими едкими слезами. *Небо* плакало...

Я была уже здесь однажды, я помнила это... вот только тогда голубые кристаллы не плавились от слёз, рассыпаясь чёрным прахом.

Я шла, чувствуя, как острые грани впиваются в ступни, как по плечам скользят обжигающие капли, и шла вперёд.

Между куполом *неба-Бездны* и кристаллическим полем бушевала буря. Я шла уже долго, давно должны были пока-

заться скелеты драконов, но ветер поднимал в воздух сотни голубых кристаллов, перемежаемых огненными слезами, и ничего не возможно было увидеть дальше вытянутой руки.

Куда иду, зачем – я не знала, но не могла не идти. Впереди ждало будущее, позади – не осталось ничего, кроме теней. Невозможно жить всё время тенью. Будущее звало.

И вскоре, правда, услышала голос, негромкий, *заглушённый* воем ветра, но кто-то звал меня по имени, и я пошла на этот зов.

У всех, наверно, бывает такое чувство, *что всё вокруг* – сон, *что живёшь* во сне. Или спишь, и тебе снится жизнь. Может, мы – лишь сон неведомых богов, а, может, это мы – те самые боги, и нам снятся сны... Никто не знает.

Я спала... и в то же время это был не сон, я знала это. Ветер сек лицо мельчайшей кристаллической крошкой, завывал, трепал волосы – это было слишком реально, чтобы быть сном.

Через некоторое *время буря* расступилась, я увидела скелет дракона, проклинающего Бездну, а под ним, у исполинских некогда лап, стоял юноша. Он словно разговаривал с драконом. Или дракон с ним?

Осталось пройти совсем немного, когда их беззвучный *диалог* закончился и юноша обернулся – это был Лунь. Он стоял и смотрел на меня, а в его руках что-то сверкало, пульсировало то ярко-синим, то *ало-огненным*. Он сжимал это обеими руками, как самую большую драгоценность

в жизни. Но вот наши взгляды встретились, и его лицо исказилось. Растерянно-радостное выражение медленно сменялось недоверием, а потом – обречённостью. Но я ничего не понимала: он смотрел на меня, в лицо – в глаза, но не видел. Это чувствовалось по его взгляду: несмотря на выражение лица, глаза светились яростью и гневом. Перед ним был враг, враг, который перехитрил, коварством добился своей цели.

Медленно, очень медленно он протянул то, что так бережно сжимал, вперёд и разжал ладони – в них, как в удобной чаше, лежал кристалл. Он был похож на *сердце*, и свет пульсировал, словно в такт *сердцу* и менялся. Кристалл был явно более значимым, чем всё, что я видела когда-либо.

Лунь протягивал сокровище, не мне – своему врагу, который оставался невидимым, но этот кристалл... звал меня. Не удержавшись, шагнула вперёд и... и наткнулась на невидимую преграду – горячую, упругую и – непреодолимую. В глаза будто брызнули водой – картинка стала размытой, а то, во что я упёрлась, тёплой плёнкой растеклось по телу, *спелёнывая*. Неясные силуэты окончательно потемнели, пришло ощущение покоя, и я... заснула, наверное.

Мне было хорошо. Так хорошо, как не было уже очень давно – с далёкого-далёкого детства, такого безмятежного, уже и не верится, что так может быть. Я медленно просыпалась: было тепло и уютно, тело стало лёгким, а в душе царил

покой – рядом потрескивал костёр и чей-то голос тихонько напевал колыбельную. Может, именно из-за этой полузабытой песни и было так покойно.

Приоткрыв глаза, сначала увидела оранжево-жёлтый огонь костра, а за ним – Вешу. Девочка сидела на земле скрестив ноги, сосредоточенно наблюдала, как превращается в угли прутик, вытащенный из огня. И пела.

И не подозревала, что у неё такой мелодичный голос.

Заметив, что я проснулась, ребёнок замолчал на полуслове и вскочил:

– Ты проснулась!

Я могла только удивиться такому радостному тону.

– Ага, – подтвердила её наблюдение и села, скидывая плащ, которым была укрыта.

– А все остальные улетели на драгале, только я осталась. Они наверно, испугались тебя.

Веша выпалила это на одном дыхании и словно погасла: плечи девочки поникли, она опустила голову, пряча взгляд и села на прежнее место.

«Испугались меня»? – хотела переспросить я, но не стала: случайно взглянув на руки, поняла причину их испуга. Кожа была в неестественно-тёмных пятнах, ногти походили на затупившиеся птичьи когти – это нечеловеческие руки, руки драконьера.

– Ты – драконьер? – просто спросил ребёнок, взглянув мне в глаза. И не было в этом вопросе ни удивления,

ни ненависти: Веша приняла мир таким, каким он был, со всей его неоднозначностью, несправедливостью, ненадёжностью... В этом мире надёжнейший друг мог на следующий день оказаться злейшим врагом – без веских причин на то.

– Не знаю. Надеюсь, что нет, Веша. Но... – я замялась, это себе я привыкла не лгать, а девочка вряд ли примет так легко правду, – уже и не совсем человек.

– Тогда кто? И почему борешься с Бездной, если она твоя мать?

Надо сказать, она меня несколько озадачила своим высказыванием. Бездна – моя мать... вот уж чушь. Хотя... С другой стороны, можно сказать, мать, если учесть, что она приняла непосредственное участие в появлении на свет нового драконьера. Но мне определённо не нравится такая постановка вопроса.

– Я есть я. И Бездна – не моя мать. Я, прежде всего, человек, и жить хочу – как человек, и умереть. И то, что Бездна искорёжила моё тело, не значит, что она добралась до духа. Я чувствую себя человеком, и буду бороться за людей до конца.

– Но как? Ведь команда сбежала, едва догадавшись в чём дело?

– Видно будет. Скажи-ка мне, подруга, как это ты осталась со мной на берегу?

Девочка пожала плечами и снова уставилась в огонь:

– Мне показалось, что несправедливо оставлять тебя беспомощной на обрыве. Ты бы так не поступила.

– Я – да, тут ты права, но мне не одиннадцать лет. Встречу Хмыся – голову оторву, за то, что согласился тебя оставить.

– А он и не соглашался. Я спряталась в деревне и подождала, пока они исчезнут из вида, и только потом вышла.

– И как же ты не побоялась остаться, если взрослые люди испугались?

– Ты однажды спасла мне жизнь, почему я должна тебя бояться?

– Понятно. Ладно, замнём для ясности. Похоже, пора подумать о будущем. Ты спала сегодня?

Вопрос получился глупым, сейчас была глубокая ночь, а учитывая, что в этих краях всё время надо оставаться на чеку, Веша просто не могла отдохнуть до тех пор, пока не проснусь я.

– Можешь не отвечать. Ложись спать, давай сюда, на моё место.

Умопившись, завернувшись в плащ, ребёнок почти сразу заснул, оставив меня присматривать за костром и размышлять.

Несмотря на отнюдь не радостные новости, чувство покоя, с которым я проснулась, не исчезло. Я, пожалуй, даже радовалась, что всё открылось, нет теперь нужды молчать. Единственное расстраивающее и беспокоящее – я не знала, что с Лоданом, жив ли он вообще? Но, учитывая, что Хмысь забрал его с собой, можно было надеяться на луч-

шее.

Подкинув в прогорающий костёр поленьев, взятых, очевидно, из деревенской поленицы, встала и принялась расхаживать вокруг – не сиделось. Казалось, я попала в безвыходное положение: брошена вместе с маленькой девочкой на неизвестном острове, без команды, без драгала... Но я не чувствовала ничего, даже отдалённо похожего на уныние. Может, слишком многое испытала для того, чтобы так просто сдаться? Вышагивая вокруг костра вдруг обратила внимание на заплечный мешок, небрежно брошенный в стороне. Ага... это наш запасливый Хмысь позаботился. Жадюга. Припасов дня на два, не больше. Ну и ладно, нет ещё такого острова, который не прокормил бы меня дичью. Ну что ж, с наступлением утра можно будет отправляться в путь, должна же тут где-то быть деревня?.. А где деревня – там обязательно будут причалы, драгалы, драконьеры... Но проблемы будем решать по мере их поступления. Для начала надо просто найти деревню.

Утро разгоралось медленно, неохотно: не терпелось отправиться в путь, но я заставила себя взять в руки. Веша и так до полночи не спала, пусть хоть сегодня отоспится. Пока она сладко сопела, уткнувшись носом в ладони, а Осколок неторопливо карабкался всё выше, я приготовила немудрёный завтрак. Может, вяленое мясо и не совсем подходит для бульона, но ему пришлось смириться со своей участью. На дне мешка я нашла небольшой котелок, который подве-

шивают над костром и две кружки. Да, Хмысь обо всём подумал. Отлучившись к ближайшему деревенскому огороду, я дёрнула пару пряных луковиц и несколько морковин – вот теперь бульон выйдет на славу! Правда, Хмыся таки забыл положить вилки или ложки, и Веша проснулась именно тогда, когда я пыталась выловить из бурлящего варева кусок морковины, чтобы попробовать: готов ли?

Понаблюдав, как наглый овощ ускользает от острия кинжала, девочка хихикнула и предложила мне выловить его кружкой. В общем, завтрак удался.

Собравшись и затушив костёр, мы отправились в путь. После короткого совещания решили идти по кромке обрыва – так меньше вероятности встречи с какой-нибудь тварью, и больше шансов не пройти мимо деревни. Если она есть, и не уничтожена драконьерами...

До обеда шли бодренько и с удовольствием, но когда светило стало клониться к закату, даже неустомимая Веша приотмилась, и с радостью приняла идею устроить привал. Торопиться, в общем-то, было некуда, и привал грозил плавно перейти в ночёвку. Меня это устраивало: весь день ломала голову над своим странным то ли сном, то ли видением, и наделась на свежую голову разобраться с этой загадкой.

Первые лучи Осколка вырвали меня из зыбкого подобия сна, костёр догорал, но подкормленный ветками вспыхнул весело и радостно загудел. Глянула на Вешу: завернувшись

в плащ, ребёнок спал рядом с огнём и, может, от этого на щеках алел румянец, во сне лицо девочки было спокойно и умиротворённо. Я тяжело вздохнула, встала потягиваясь: провести полночи сидя у костра и просыпаясь от любого шороха... брр. Но, когда было пора будить Вешу, мне просто стало жаль её: девочка так сладко спала. И вот результат: негодование ребёнка не было предела.

Вскоре, позавтракав, отправились дальше. И этот день прошёл без происшествий, за исключением того, что мне удалось подстрелить небольшого пушистого зверька на берегу речки.

Перед самым заходом светила, мы остановились на ночлег – на обрыве, но всё же под сенью деревьев, быстро собрали большую кучу хвороста: огонь отпугивал и хищников, и тварей. Веша приглядывала за огнём, а я занялась свеживанием тушки, хотя отчаянно хотелось спать и чтобы не порезать руки пришлось предельно сосредоточиться. Прошло некоторое время, и я бросила возле огня окровавленную шкурку и внутренности – закапывать не имеет смысла, найдут по запаху и разроют. Значит, надо развести огонь побольше и спалить отходы, вони правда будет... но это лучше, чем визит какого-нибудь хищника к нашему маленькому лагерю.

– Что будет завтра, Леля? – Веша перестала суетиться вокруг костра и мурлыкать какую-то, неизвестную мне, песенку, уселась, обхватив коленки. Стала печально-задумчивой.

– День... завтра будет день. А потом будет ночь.

– А потом снова день, а потом снова ночь, – улыбнулась она, и я подняла взгляд, оторвавшись от попыток разрезать кость, – я спрашиваю, что будет с нами?

– Об этом надо было думать, когда пряталась в деревне. Я не знаю, что будет, Веша. Мы можем найти деревню, но там не будет драгала. Можем не найти деревни – если её просто нет, или найти её мёртвой. Это всё не очень-то радостно звучит, но всё может быть.

– И что тогда будем делать? – кажется, я не очень испугала ребёнка своими предположениями.

– Давай так: мы сначала определимся с обстановкой на этом острове, а потом будем решать, идёт?

Она промолчала, и я вернулась к борьбе с упрямой косточкой: тушка не влезла в котелок, а я хотела потушить мясо с овощами. Уходя от деревни, совершила ещё один налёт на заброшенный огород, изрядно отяжеливший заплечный мешок, и теперь собиралась его слегка облегчить. Веша снова принялась мурлыкать полужнакомую мелодию. Вскоре над местом нашей стоянки разлился аппетитный аромат, надо было ещё чуть-чуть поддержать небольшой огонь...

– А ты не превратишься опять в драконьера?

Долго же она думала. Я взглянула на руки: а вот интересно, что творится с лицом? Руки, за предыдущие сутки, стали выглядеть более нормально – почти как человеческие, даже когти будто бы втягивались и светлели, становились ногтя-

ми.

– По-моему, ты от нечего делать, придумаешь себе страхи. Ну-ка, подкинь в костёр вот тех мелких хворостинок.

А что я могла ей сказать? Я не знала ответа на этот вопрос. Девочка принялась ломать и кидать в костёр хворост, и я смогла, наконец-то присесть: дневной переход не утомил бы так, если б не предыдущая почти бессонная ночь.

– Я посплю чуть-чуть.

Веша не ответила, и я моментально уснула, уткнувшись лбом в колени.

Проснувшись от тишины: Веша молчала, перестав мурлыкать песенку за песенкой. С трудом заставив себя открыть глаза, осмотрелась: костёр горел, котелок над огнём деловито булькал, девочки не было. Это заставило меня вскочить, сердце зашлось во внезапно нахлынувшем страхе: тварь-избездны могла атаковать абсолютно бесшумно, внезапно, ребёнок мог даже не понять, что произошло!

Но спустя всего миг, страх отхлынул, оставив меня дрожать от, не менее внезапного чувства облегчения: Веша стояла у самого края обрыва, глядя вниз. В бездну.

– Веша! – позвала я, но голос сорвался на хрип, и пришлось повторить попытку. – Веша!

Девочка услышала, повернулась и вприпрыжку побежала ко мне.

Она остановилась передо мной, молча, одним взглядом спрашивая:

– Что случилось? Чего ты так кричала?

– Ты не боишься смотреть в бездну с обрыва?

– Нет. Не боюсь. Папа говорил, что это странно, все ведь боятся, а я – нет.

– И часто ты такое проделываешь?

– Смотрю в бездну? – уточнила девочка, – Нет, изредка. Сегодня пошла чтобы выкинуть требуху и шкуру, их запах может привлечь тварь.

– И с тобой ничего странного не происходило после этого? – я вспомнила слова Луня о мести Бездны – любому, кто попытается приоткрыть завес тайны.

– Всё, что могло произойти – уже произошло. И этого – достаточно.

Девочка умолкла и, усевшись у огня, принялась подкидывать ветки. Я боялась, что она расплачется, но Веша просто сидела, глядя в огонь и грустно опустив уголки губ.

На языке вертелся ещё один вопрос, ответ на который хотела бы получить. Но я промолчала.

Спустя некоторое время, поужинав и мгновенно осоловев, устроилась спать. Веша настояла на том, что дежурить первой будет она, и спорить у меня не было никакого желания. Я лишь надеялась, что нам немного повезёт, и ни одна тварь не наткнётся на лагерь. Иначе были все шансы проснуться уже у неё в желудке. В лучшем случае Веша успела бы поднять тревогу, в худшем... брр. Приказав себе спать чутко, мгновенно заснула, и боюсь, мой организм чихал на все при-

казы.

– Леля... – мягкая рука осторожно потрясла за плечо, – проснись, Леля, просыпайся!

То, что Веша говорила шёпотом, заставило мгновенно раскрыть глаза.

Костёр не горел, угли мягко переливались остывающим жаром, была глубокая ночь, низкие косматые тучи над бездной отсвечивали багрянцем. Глянув на девочку, проследила её взгляд – Веша смотрела в сторону Бездны.

На обрыве, там, где она стояла недавно, что-то происходило. Какое-то свечение, мягко-золотистое, с оранжевыми и алыми проблесками в глубине, клубилось на самом краю обрыва. Ближе к земле это свечение уплотнялось, становилось коричневатым, оттуда доносились слабые неразборчивые звуки.

– И давно ты это наблюдаешь? – шёпотом поинтересовалась я.

– Нет, совсем недавно, как ты думаешь, что это такое?

– Не знаю.

Размеры свечения уменьшались, зато оно всё больше уплотнялось, становилось тёмной массой, принимавшей всё более чёткие очертания. Процесс почему-то напомнил приготовление теста, когда кухарка тщательно вымешивает массу, чтобы оно стало крутым. Бездна сейчас точно так же вымешивала новую тварь.

Наконец, процесс был завершён, свечение померкло,

и на краю осталось лежать небольшое тельце, издававшее звуки, слабо напоминающие поскуливание брошенного щенка. Мы переглянулись, думаю, ребёнок прочёл в моих глазах то же, что и я – в её: в них смешались любопытство и опасение, и – любопытство преобладало.

– Идем посмотрим? – спросила я, и девочка с готовностью кивнула.

При нашем приближении тварь открыла глаза, оказавшиеся круглыми и янтарно-жёлтыми, с чёрными вертикальными зрачками. Она наблюдала за нами безо всякого выражения, шумно дышала – бока ходили ходуном, словно только что бежала, под тонкой кожей просвечивали рёбра. Никогда в жизни ещё не видела новосозданную тварь – она была похожа на обычного новорождённого зверёныша, не было ничего устрашающе-демонического, что даже несколько странно. Отдалённо щенок напоминал Трофея – такая же лобастая пёсья голова, крупные лапы, стать... только броневого пластины не хватало, но они, очевидно, появляются с возрастом.

Устав или сообразив, что мы ему не угрожаем, щенок прикрыл глаза, покойно уложив морду на землю. Наверное, твари надо какое-то время отлежаться. В принципе... Можно, конечно, попробовать... Хотя никто не сможет предугадать результат. Но ведь у Луны получилось приручить Трофея?

После этих размышлений, поступок Веши для меня оказался тем более неожиданным.

– Умри тварь! – с ненавистью воскликнула девочка, вы-

хватила маленький кинжал, которым на драгале её вооружил Хмысь, что есть силы ударила щенка.

Зато я успела оттащить её от лязгнувших рядом клыков: может, щенок ещё ничего и не понял, но реакция у него была отличная. Мы молча наблюдали агонию: всего лишь раз он взвизгнул и замолчал, в широко открытых глазах застыл расширившийся зрачок, с тем выражением, что часто можно увидеть в нашем мире: уходящего. Всего лишь раз увидев это выражение в чьих-то глазах, его уже не забудешь и не перепутаешь ни с чем другим. Умиравший видел что-то, недоступное живым, он уходил...

Последняя дрожь сотрясла небольшое тельце, и веко тихо прикрыло мёртвый глаз. Но нам не пришлось сталкивать труп с обрыва: оставив кинжал торчать в спёкшейся корке земли, тело щенка потекло, плавными тонкими струйками соскальзывая в Бездну: у едва родившейся твари всё ещё было сильным сродство со своей создательницей. Он не успел ещё никого убить, не вкусил плоти этого мира и не стал тварным.

Я не сразу поняла, что плачу, слёзы проложили две тёплые дорожки по щекам. Опомнилась, только когда рядом прозвучал голос Вешы:

- Почему ты плачешь? – она смотрела с таким недоумением, что я усмехнулась сквозь слёзы.
- Почему ты убила его? – спросила я.
- Это была тварь, такая, которая убила моих родителей,

да и многих других.

– Веша, – я опустилась перед ней на колени, так, чтобы заглянуть ей в глаза, – Веша, ты убила щенка – всё равно, что убила ребёнка. Ты понимаешь это?

Она помотала головой, в глазах появилось неприязненное выражение.

– Они убивают потому, что такова их природа, но их можно приручить, сделать друзьями, понимаешь? Они намного умнее, чем все думают, и намного преданней людей.

– Нет!

– Веша, – я положила руки ей на плечи, сообразив, что она сейчас просто развернётся и убежит, – Веша, убивать надо не щенков, убивать надо лишь тогда, когда твоей жизни угрожает опасность.

– Ты защищаешь тварь, потому что сама – драконьер! – выкрикнула она, и на глаза ей тоже навернулись слёзы.

– Нет, не поэтому, – покачала головой, отпустив её – мой друг однажды приручил тварь, спас её от смерти. С деревянной фигуркой Трофея ты играла на драгале.

– Этого не может быть!

– Это так. Ты совершила необратимый поступок Веша, совершенно не подумав. И, вполне возможно, потеряла друга. В следующий раз, если не хочешь думать сама или не знаешь, как поступить, спрашивай хотя бы у меня, ладно?

Она молчала, смотрела в сторону. Этот урок был нерадостным, но так часто случается. Но, по крайней мере, она

его усвоила, как мне кажется.

– А теперь подними кинжал, и пойдём к костру: тебе надо поспать.

Она не стала спорить, подхватила кинжал, засунула в ножны, и тут я поняла, что мне кое-что очень не нравится. Земля под ногами слабо затряслась, ушей коснулся странный, постепенно нарастающий звук: нечто среднее между шипением и свистом.

– Бегом! – закричала я, хватая девочку за руку и разворачиваясь к лесу, – Скорее!

Мы почти успели. Во всяком случае, светящийся яростным алым светом конус врезался в обрыв – там, где мы недавно были, когда мы почти достигли леса. Горячая волна воздуха ударила в спину с такой силой, что разнесла нас в сторону, разъединив сомкнутые ладони. Краем глаза видела, как Вешу поволокло по земле, а в следующий миг передо мной вырос ствол дерева, очень большой и, как оказалось – очень твёрдый...

Но – всё обошлось. Зачастую месть Бездны бывает слепой, ударь она прицельно – и мокрого места не осталось бы, а так только синяки да шишки. От удара об дерево я на несколько минут отключилась, а когда очнулась – Веша уже сидела рядом, считая синяки и царапины. К счастью, девочка обошлась без подобных столкновений, за счёт того, что её сразу сбило с ног.

Плюнув в обидчиков излучением, Бездна, кажется, успо-

коилась. Во всяком случае, когда, несколько придя в себя, выбрались на обрыв – к месту своей стоянки, она больше не пыталась разделаться с нами, приобретя обычный, мирно-багровый вид.

– Тебе не кажется это несколько странным? – спросила Веша, когда мы собирали раскиданные по всему обрыву пожитки.

– Что именно? – поинтересовалась я.

– То, что тварь вылезла именно в том месте, где я выкинула останки добычи.

– Не более странным, чем месть Бездны.

– Нет, не это... не то, – кажется, ребёнок запутался, – как объяснить?..

– Не торопись, подумай, – посоветовала я.

– Да при чём здесь это?! – рассердилась она. – Как ты не понимаешь?

– Как ты объясняешь – я не понимаю, – улыбнулась я, Веша очень забавно злилась.

– Вот ты сама говорила: смерть – это зло, да?

– Смотря чья смерть и ради чего, – слова ребёнка заставили задуматься и ответила я не сразу.

– Да хоть чья! Хоть того же зверька, что ты подстрелила! Он себе жил – не тужил, а тут пришла ты и – фьюить! – сложив губы трубочкой, она ловко свистнула.

– Но мы природой так созданы, по натуре – хищники.

– При чём тут природа?! Я не об этом говорю. Вот ве-

дуњи, да? Да даже просто люди, животные – все чувствуют смерть, причём смерть – как неизбежное зло, правильно?

– Ну, с некоторыми поправками...

– В бездну все поправки! – ребёнок разгорячился, казалось, она доказывает что-то самой себе. – А что, если Бездна всего лишь отвечает злом – на зло? Вы в меня труп скинули – получайте тварь за это, пусть она вас режет. Ах вы мою тварь убили, а я за это ещё двух выпущу! Ах и этих уничтожили, а вот я вас в драконьеров попревращаю, убивайте друг друга! А что, если она – живая, и ей – плохо от того, как её используют?!

Я молча рассматривала разгорячившуюся, раскрасневшуюся девчонку: глаза сверкали, словно она бросила мне вызов этими словами, дерзкими предположениями.

– Не знаю ничего насчёт предположения о связи трупов и тварей, но в одном, думается, ты права. Бездна живая. Она живёт не так, как ты или я, но безусловно, живёт: мыслит и чувствует. Вот только зачем поступать, так как ты говоришь? Вы мне труп – я вам тварь, когда разумные люди всегда могут договориться миром?

– Может, она пыталась когда-то. А её не понимали, не слышали. А потом стало поздно, и Бездна уже просто не захотела договариваться?

– Гадать бесполезно Веша, – что-то мне не понравилось в её последних словах, но не настолько, чтобы всерьёз заняться этим.

– Да, бесполезно, – согласилась она устало. Порыв прошёл, и девочка словно погасла: исчез задорный блеск из глаз, поникли плечи. Разговор сам собой затих.

Мы недосчиталась одной кружки и нескольких лепёшек – всё остальное удалось собрать. Когда закончили поиски, Веша уже отчаянно зевала, но я не хотела оставаться на этом месте, опасалась. Поэтому двинулись в путь и остановились только с приближением утра: Веша завернулась в плащ и уснула ещё до того, как я развела костёр. Я осталась сторожить, подбрасывать топливо в огонь, и размышлять над сегодняшним происшествием и словами ребёнка. А над миром разливалось тихое утро...

Лунь. Тот самый дракон

– Ты тот самый дракон! – мысленно воскликнул я, когда дракон с разгона влетел в ледяную колонну. – Ты тот дракон, что спас меня!

– Ну и что?

– Но... это было совсем недавно, и ты был дракончиком, а сейчас...

– Что – сейчас?

– Ты взрослый.

Какое-то время он не отвечал, мимо пронеслась площадь с огненными колоннами, потом под крыльями раскинулся сверкающий разноцветными огнями город и, наконец-то – пристань.

– Ты знаешь, как и почему мы «взрослеем»?

– Откуда? – удивился я.

– Нам приходится убивать. Убивать, чтобы стать тварными.

– Почему?

– Это долгая история, а мы уже прилетели. Ты хоть знаешь, что собираешься делать?

– Угнать драгал. И – последний вопрос: что ты сделал с Бездной?

– Ты же видел. Ах да, в драконознатцы ты не годишься, я запомнил. Драконье пламя – абсолютный огонь, даже для

Бездны это кое-что значит.

Сказав это, он опустился рядом с драгалом, для равновесия взмахивая крыльями, отчего судно рванулось, пытаясь сорвать привязь. Драконьи когти раскрылись, и я очутился на земле.

Причал на острове драконьеров был устроен не так, как на поверхности Бездны. Тут драгалы опускались прямо на твердь острова, крылья-паруса складывались не полностью, поддерживая равновесие. Удерживалась галера четырьмя канатами, привязанными к массивным сваям. Их-то и следовало отвязать, чтобы судно освободилось.

– Это я возьму на себя, – заявил дракон, – дуй на палубу.

Едва развернувшись, тут же услышал рёв пламени: теперь понятно, как он «возьмёт» это на себя. Я побежал было к сходням, но остановился: стража на драгале не могла не заметить дракона. Как не могла не заметить, что в когтях он несёт человека. И, скорее всего – именно возле трапа будет ждать ласковый приём, а я по-прежнему без оружия. По здравому размышлению, ничего не оставалось, как удивить вахту, применив старый приём.

Канат в этот раз не болтался над Бездной, был туго натянут, и это несколько облегчало задачу. Повиснув, вцепившись в борт, оглядел палубу: я был прав. Несмотря на топот и рёв дракона, двое драконьеров притаились у трапа: поднимись я по нему, и тут же угодил бы в их ласковые и нежные объятия.

Стараясь не шуметь, перелез через ограждение и осмотрелся: мне надо какое-то оружие, хоть дубина какая-нибудь! Голыми руками с двумя вооружёнными драконьерами я не справлюсь. Тут в голову пришла весьма забавная мысль:

– Дракон, ты уверен, это тот драгал, что мне нужен? Ведь тут их десятки!

– Да, – он отозвался почти сразу, – именно на нём тебя привезли. Поторопись, остальные драконьеры вот-вот будут на пристани.

Поторопись! Легко сказать – я-то не умею выдыхать пламя! Палуба драгала накренилась на одну сторону – дракон добрался до второго каната. Что-то упало с металлическим звоном, драконьеры вскинулись как по команде. Вскинулись, и увидели меня, а я, я увидел то, что не понравилось даже больше, чем два острых клинка, хищно развернувшихся в мою сторону.

Драгал стоял впереди остальных, и ничто не заслоняло вида на прекрасное поселение драконьеров. Интересно, а они могут оценить эту красоту или же нет? Впрочем, это было сейчас несущественно, значение имело лишь то, что из сверкающего всеми цветами города вытекала тёмная река – сюда спешили драконьеры.

Драгал задрал вверх нос – перегорел третий трос, и, несмотря на частично сложенные паруса, судно готово было взлететь, может, стоит ему дать волю?

Караульные подходили всё ближе – видели, что я безоружен и, видимо, не ожидали особого сопротивления. Ох уж эта вечная самоуверенность!

Отыскав нужный канат, я потянул за конец, и узел расползся, освобождая крыло. За что люблю эти узлы – за простую сложность. Если правильно его завязал, то распускается он одним лёгким движением. Стражники, не сообразившие сразу, зачем я кинулся к снасти, уже не успевали помешать.

Крыло с громким шелестом развернулось, натянулись канаты, и судно едва не опрокинулось, заваливаемое набок напругой потока, надувшего парус. Уравняем шансы?

В отличие от драконьеров, из-за крена драгала повисших на ограждение борта, я цеплялся за страховочный канат, что был закреплён на мачте. И мне не стоило особых усилий добраться до узла, что стягивал второй парус. Наверно, в тот момент, когда я развязывал узел, дракон добрался до последнего каната. Драгал рывком выровнялся, один из драконьеров сорвался вниз, второй продолжал упорно цепляться за перила, и судно прыгнуло вверх, оставляя далеко внизу разъярённую толпу драконьеров. Свободен! Осталось разобраться с этим драконьером...

Но всё оказалось далеко не так просто: драгал винной пробкой летел вверх, подгоняемый горячими потоками. В какой-то момент, мне показалось, что лопнула пелена: такой же защитный купол, как был над кладбищем драконов,

только этот над островом драконьеров. И меня, и драконьера сбила с ног неожиданная, невидимая тяжесть, прижала к палубе. Ему ещё повезло, что успел забраться на борт, иначе его бы просто снесло как пушинку. И, похоже, драконьеру сейчас приходилось так же несладко, как мне. Он попытался встать и тут же снова упал, да так и остался лежать, тяжело дыша и глядя на меня. Странно... Судя по пульсирующей радужке глаз, это такой же драконьер, как Ярс – выбраковка.

Драгал поднимался, мне удалось перевернуться на спину – так было чуть легче дышать, и теперь видел натянутые, едва не лопающиеся от напряжения паруса. Когда же закончится подъём?

– Скоро, – прозвучал в голове драконий голос, – будь готов действовать. Тебе придётся самому разобраться с драконьером – судно слишком хрупкое, что бы я рискнул вмешаться. Потом надо будет найти пару подходящих канатов – я отбуксирую драгал в безопасное место, тут вскоре будут все драконьеры, что были на острове. И лучше быть подальше в этот момент.

– Разве есть в мире место, где можно чувствовать себя в безопасности, место, куда не дотянется Бездна?

– Она не всемогуща, Лунь. Это ощущение ложно – да, она обладает огромной мощью, но небезграничной. Кроме того... она играет по правилам, и не переступает границ, которые очертила сама.

– Почему?

– Потому. Всемогущество всегда слишком близко к безумию. И она это прекрасно понимает. И очень хочет жить. Запомни – она очень хочет жить. Это основной мотив её действий.

– Да кто ж ей мешает то?! – возмущённо подумал я.

– В какой-то степени вы – люди, в какой-то степени мы – драконы.

– Это чем ещё?

– Вы – тем, что в потенциале можете её уничтожить. Мы – тем, что можем, опять-таки в потенциале, её обуздать, вернуть в изначальное состояние неразумной стихии. А ей этого совсем не хочется. Она только начала осознавать себя...

Беседа с драконом отвлекла, и я не сразу обратил внимание на уменьшение давления, что сразу заметил драконьер. Моё внимание на это обратил дракон, со смешком заметив, что драконьеры – твари упорные. Глянув на противника, с трудом ползущего ко мне, не мог не согласиться с драконом. Бросив последний взгляд вверх – там уже смутно угадывались облака, я перевернулся на живот – как драконьер умудрялся двигаться при таком давлении?! Но если хочу жить, придётся двигаться – хотя бы отползти подальше. Ощущение было такое, будто я пытаюсь ползти навьюченный десятком мешков с камнями. Мне нужно оружие... хоть какое.

Вскоре мы смогли встать на четвереньки, а потом и под-

няться на ноги. Положение не изменилось ни на йоту – чем ближе старался подобраться драконьер, тем подальше стремился быть я. Было видно, как ему трудно двигаться – первые усилия дались слишком дорого, и я подумал, что могу попробовать вымотать его, палуба давала достаточно места для этого.

В какой-то миг драгал завершил бесконечный подъём – вынырнув на поверхность Бездны, задрав нос и надсадно скрипя блоками. Исчезла тяжесть, мешающая дышать и двигаться, осталась только усталость, но это было вполне терпимо. Мне наконец подвернулась под руку какая-то деревяшка, довольно толстая и длинная, с острыми щепами на конце. Не бог весть что, особенно против меча, но хоть что-то. Я продолжал скакать по палубе молодым шипохвостом, и драконьеру всё труднее было выдерживать такой темп.

Надо сказать, что за всё время подъёма мы не обменялись ни словом, тем более был удивлён, услышав его голос:

– Что ты бегаешь, как трус?! Повернись и сразись со мной!

– Ага, – пропыхтел я, перескакивая через очередную бухту канатов, – тебе дубину, мне – меч. Тогда и сразимся.

– Девушка... и тварь.

Я остановился. Драконьер стоял возле двери каюты, меч он держал опущенным, но это ничего не значило. Станные пульсирующие зрачки в упор смотрели в глаза.

– Они твои друзья, не так ли?

Эти слова заставили перехватить дубину двумя руками:

он прав – они мои друзья.

– Я пойду к ним, а ты можешь бегать дальше...

Я понимал, что это провокация, но у меня не было выбора, и когда драконьер начал разворачиваться к двери, бросился к нему.

Когда он успел приготовить эту ловушку, не знаю. После подъёма на поверхность, палуба была замусорена развернувшимися бухтами канатов, вёдрами, какими-то тюками и предметами, назначения которых я вообще не знал. Среди неразберихи трудно было заметить верёвочную петлю, конец которой лежал у ног драконьера. Тем более её не мог заметить разъярённый юнец. Додумывал я эту мысль, лёжа на палубе: падение ошеломило, и теперь я с трудом соображал, что делать дальше.

– Какая досада... – насмешливо произнёс драконьер, – нет, лежать! – я попытался встать, но рывок верёвки, стянутой петлёй на щиколотке, заставил вновь растянуться во весь рост.

Драконьер неторопливо приближался, наматывая верёвку на кулак, я посмотрел на дубину – во время падения она отлетела довольно далеко...

– Дракон! – нет ответа, – Дракон! – вовсе не улыбалось вновь отправиться на остров драконьеров, но почему же он не отзывается? – Дракон, ты можешь что-нибудь сделать?!

– Нет, я же говорил тебе. Могу только отправить эту посудину в бездну. Справляйся сам.

Ага. Справляйся сам. Здорово.

– Ну что, отбегался, красавчик? Верёвку не трогай, если жить ещё хочешь, – я попытался снять петлю, но он так дёрнул верёвку, что чуть не оторвал ногу. – Вставай, – остриё меча заплесало перед глазами, гипнотизируя, – вставай и марш в трюм. Посидишь в клетке, как твой пёс...

Это были его последние слова, затем в глазах отразилось крайнее изумление, и драконьер стал оседать на пол, пока не опрокинулся навзничь. За его спиной стояла Светлана, с дубиной, очень похожей на потерянную мной. Девушка плакала, поминутно шмыгая разбитым носом. Впрочем, нет, не разбитым. Присмотревшись, я догадался, что кровь, скорее всего, потекла из лопнувшего от напряжения сосудика. Не знаю, где она была во время подъёма из глубины, но выбраться на палубу ей стоило огромных усилий.

– Не убивай его, Лунь, пожалуйста, – попросила она, усевшись рядом с ним, скрестив ноги.

– Почему? И что тогда делать? Ведь, как только очнётся, он снова нападёт на нас.

– Это брат мой, Лютень. Ярс обманул меня...

– Какая теперь разница, Светлана? Лютень – уже драконьер, он не твой брат, он – тварь, выползшая из Бездны. – я говорил очень жестокие слова, но лучше так, сразу – чем потом мучиться. Она промолчала, я тоже уселся и принялся стаскивать верёвку с ноги: на щиколотке остался лиловый браслет содранной кожи. – Лучше сразу убить и не мучить

ни его, ни тебя.

– Нет... есть один способ. Ярс рассчитывал купить себе милость Бездны – тобой, и какое-то время Хозяйка присутствовала на драгале. Я слышала разговор – они не таились, о свойствах кристаллов. Бездна сказала, что только несколько из всех тысяч могут вернуть драконьера к человеческому облику...

Я вздрогнул, но девушка, кажется, этого не заметила. Уже не те ли это кристаллы: первые слёзы драконов? Прислушался к мерному «дыханию» кристалла: а если Светана узнает, что этот кристалл у меня, смогу ли отказаться ей помочь? И, вообще, вправе ли молчать об этом кристалле? Это не моё сокровище – оно мне не принадлежит... а кому тогда? Целому Миру? Если эти кристаллы могут изменить весь Мир, это значит, что я не могу распорядиться ими так, чтобы помочь одному человеку? Мне надо время. Время, чтобы понять, чтобы разобраться...

– Эй, человеке! – пророкотал голос дракона, – Хватит прохлаждаться, тут скоро будет весь флот.

– Сейчас, – устало подумал я, – сейчас встану и найду канаты... Но сначала запру драконьера и выпущу Трофея.

Вдвоём мы стащили тяжёлое тело драконьера вниз, в трюм. Веса в нём было вдвое против обычного человека, знать бы, в чём тут дело...

В трюме стояло несколько клеток из толстых металлических прутьев, квадратных, шагов десять в ширину и дли-

ну, высотой в два человеческих роста. Зачем они были нужны прежним владельцам, неужели драконьеры перевозили с острова на остров тварей?

Трофей исхудал: бронеовые пластины прилипли к рёбрам, кожа облежала кость так, что была видна каждая кость, глаза твари глубоко запади. Он спал, лёжа в углу грязной клетки, губы твари изредка приподнимались, словно ему снился противник. Я едва не уронил бесчувственное тело, гневно посмотрев на Светану, но это не произвело никакого впечатления, девушка лишь пожала плечами, глядя на Трофея с сочувствием.

– Он ничего не ел, с тех пор, как попал в клетку. И от воды отказывался. Удивляюсь, как он выжил.

– И ты говоришь это только сейчас? – вспыхнул я.

– А что бы изменилось, скажи я тебе раньше?! – она тоже разъярилась, – Ты не мог ему ничем помочь! Только сам ещё больше мучился, да подставил бы Ярсу ещё одно уязвимое место.

– Скажите, пожалуйста! Какая забота! Надо было... – и я заткнулся, проглотив конец фразы: «...раньше думать, до того, как предала!».

– Что? – удивительно ровным, спокойным голосом спросила Светана, – Что – «надо было»? – таким тоном говорят только тогда, когда понимают недосказанную фразу, понимают... что за ней стоит.

– Ничего, – я пошёл на попятный. Она получила урок

и заплатила сполна, незачем усугублять вину. Даже если она и не признаёт её прямо, – Держи своего брата, несём в ту клетку.

Осторожно уложив драконьера на пол, вышли. Светлана сняла с крюка на стене связку ключей и заперла клеть. Я подёргал дверь, но она не шелохнулась. И, невзирая на полный ярости взгляд девушки, отобрал ключи. Хватит с меня... неожиданностей.

Зубы Трофея слабо щёлкнули, когда погладил его по голове: пёс с трудом приоткрыл глаза, и на меня уставились мутные, без тени мысли зрачки.

– Трофей! – негромко позвал я, – Трофей, это я, Лунь, просыпайся!

Не знаю, может, голос или моё имя, но что-то на него подействовало, в глазах сверкнул огонёк узнавания.

– Светлана, принеси ему воды и еды: что-нибудь, что не надо жевать. Если не найдёшь чего-то такого, пережёвывай мясо сама и корми его.

– Но...

– Всё! Ничего не хочу слышать! Делай так, как я сказал! Я пошёл наверх: надо убраться подальше отсюда. Трофей, – я обхватил голову пса, ткнулся лицом в остро пахнущую шерсть, – я скоро приду, совсем скоро. Ты поешь пока. То, что принесёт Светлана. Ты понял?

Ответа не было, да я и не ждал его.

Закрепив тросы, я протянул их через всю палубу и скинул

вниз с носа, дождался ответа дракона:

– Поймал! Теперь держись! – и, стараясь удержаться на ногах, несмотря на свистящий мимо горячий воздух, стал пробираться вниз, в трюм. Я же обещал, что приду?

Удивительно, как быстро возвращались силы к твари-из-бездны. К вечеру Трофей смог выбраться на палубу. И несмотря на истощение, завалил меня на спину своей тушей и вдоволь обмусолил. Я даже не ругался, как обычно. Был слишком счастлив, что вновь вижу его.

Лютень пришёл в себя. Светана позвала меня вниз, в трюм, когда обнаружила это. Драконьер сидел в углу клетки молча, обхватив руками колени, и почему-то здорово напоминал ребёнка, попавшего в беду и отчаявшегося. Но я быстро прогнал это ощущение, напомнив себе, кто он теперь, бывший брат Светаны...

Драгал бодро рассекал поверхность бездны, держа курс на заходящее светило. Дракон, мерно взмахивающий крыльями чуть дальше носа судна, казался неутомимым. Но – слабо сказать, что такая скорость была слишком быстрой для человека. Судно кидало и раскачивало, очень скоро весь наш обед оказался за бортом, но дракона это ничуть не тронуло, он и не подумал уменьшить скорость.

Эта безумная гонка продолжалась двое суток: ни я, ни Светана на второй день уже просто на ногах не держались от тошноты и головокружения. Мы ничего не ели, и всё равно регулярно бегали к ограждению борта. Нормально себя

чувствовал только Трофей – вот уж кто лопал, так лопал!

Наутро третьего дня показалась тёмная туша острова. Никогда в жизни не думал, что могу испытывать такое огромное счастье: дракон явно держал курс на твердь.

Причал, к которому он притащил драгал, был пустынен, деревня чуть выше по берегу – безмолвствовала. То, что она мертва, и – умерщвлена совсем недавно, чувствовалось сразу. Причал совершенно явно, недавно подновляли, огороды, видимые отсюда, с борта судна, темнели ровными грядами растений – совсем недавно тут побывали драконьеры...

– Зачем ты притащил нас сюда? – это были едва ли не первые слова за двое суток, обращённые к дракону.

– Тут вы будете в безопасности какое-то время. Я устал... и голоден.

– Ты улетишь? Оставишь нас здесь? – не то чтобы я боялся, но с драконом под боком было спокойней.

– Да, ненадолго: сутки или двое, не более. Мне негде здесь охотиться – сплошной лес. Вы побудете пока здесь, и желательно, не на борту. Нужно как можно больше находиться на тверди – она не так подвластна Бездне.

– Понятно. Тогда лети, мы будем ждать...

Удивительное создание протопало к самому краю обрыва, каждым шагом сотрясая почву, поднимая небольшие фонтанчики ржавой пыли, я невольно залюбовался. Длинное змеиное тело покрывали тёмно-золотистые чешуйки, каждая слегка отливала перламутровой зеленью. Огромные бе-

лые крылья, сейчас сложенные и прижатые к бокам, отнённые алыми прожилками – раскрылись, когда дракон упал с обрыва в жаркие объятия потоков, поджав мощные лапы. Я проследил взглядом его полёт, пока алое марево не растворилось в себе даже силуэт: удивительное создание! Как там говорил отец: солнечный конь? Скорее – конь Солнца. Звучит горделивее.

Пришлось долго спорить с девушкой, где устраивать лагерь: она ни в какую не соглашалась ночевать на острове. Светана-то не слышал разговора с драконом, а доводы, которые приводил я, казались неубедительными. И, несмотря на накрепко привязанный канатами драгал к пристани, она боялась, что его сорвёт излучением, и тогда Лютень погибнет. В общем, это был настоящий бой, но я всё-таки вытолкнул её на твердь. Трофей же вполне охотно покинул судно.

Оставив Светану заниматься приготовлением завтрака (после двухдневного вынужденного поста я был голоден, как тварь-из-бездны), отправился осмотреть деревню.

С первых же шагов по деревенской улочке стало ясно, что мои предположения верны – деревня была мертва. Зияли тёмными провалами раскрытые рты домов – почти все двери были сорваны, рамы выбиты. Странно только, почему драконьеры не сожгли дома, торопились?

Я обходил дом за домом, и всё больше удивлялся: везде разруха, битая утварь, трощёные лавки и столы – но нет ни одного трупа, ни одного скелета... Кто-то спрятался в лесу,

а потом, когда убрались драконьеры, вернулся и похоронил погибших? Безмолвным ответом послужил небольшой длинный холм – насыпь на другом краю деревни: предположение оказалось верным. Драконьеры никогда не хоронили убитых. Но где тогда бывшие хозяева? Где скрываются выжившие – в лесу или же ушли в другую деревню? Стоило бы их найти. Дракон – это хорошо. Но он не мог постоянно таскать за собой драгал, мне нужна команда для управления судном.

Совершив налёт на чей-то ухоженный огород, вернулся к нечаянной спутнице: над огнём уже висел котелок и деловито булькал...

Наступила ночь, костёр ярко пылал – отличный маяк в ночи, бурая тьма окутывала тёплым влажным покрывалом – где-то недавно прошёл дождь, ветер донёс до нас остатки влаги. Мы сидели у огня – говорить было не о чем, да и не хотелось, Трофей лежал и лениво облизывал передние лапы: за прошедшие дни он изрядно поправился и не выглядел уже таким истощённым. Неожиданно пёс насторожил уши, в глазах появился опасный огонёк, но не шелохнулся. Я замер, последовав примеру: кто бы ни крался во тьме, я не хотел его спугнуть. Потому что это была явно не тварь, и необычный хищник – на них Трофей реагировал совершенно иначе. А я ему доверял. Светана, не обращая ни на пса внимания, или же просто не поняв, что значит поведение твари, неторопливо встала и подкинула веток в костёр. Огонь слегка притух, принимая новую порцию пищи. И в этот момент

Трофей прыгнул в темноту, из совершенно неудобного положения – он лежал спиной к своей цели. Раздался отчаянный женский крик, в котором чётко слышалось недоумение, а потом, совсем рядом, прозвучал мужской голос, срывающийся от злости:

– Убери тварь, драконьер! Ты на прицеле, и если с ней что-то случится, пожалеешь об этом!

– Я не драконьер, – спокойно ответил я, неторопливо поднимаясь, – и мой пёс не причинит вам вреда. Выйдите на свет, Трофей, веди её сюда, – я не сомневался, что добычей была женщина, как не сомневался и в том, что к нам на огонёк пожаловали хозяева деревни.

В круге света появился пёс, таща упирающуюся девушку: он прихватил зубами край плаща, и у пленницы просто не было другого выбора.

– Отпусти мою сестру, тварь! – на свет вышел мужчина, хотя скорее – возмужавший юноша, держа взведённый самострел на изготовку.

– Кто вы? – спросил я, игнорируя требование. – И что тут делаете?

– Мы – те, кто хочет свести счёты с такими, как ты и твоя тварь!

– Тогда вы нашли того, кто вам нужен.

– Томет, – неожиданно в разговор вступила «добыча», – Томет, опусти оружие, неужели не видишь – он человек. Как и эта девушка.

– Он прилетел на драгале, его слушается тварь, и он – в драконьерской одежде!

Гнев ли его ослепил или же просто не желая принимать никаких доводов, но юноша продолжал целиться мне в лицо.

– Я – человек, – медленно произнёс я, стараясь придать голосу убедительность, – я – враг Бездны и драконьеров. Сюда драгал привёл дракон. И, – я полез за пазуху, доставая цепочку с кристаллом, – над бездной можно путешествовать, если есть такой кристалл. А вы? Кто вы?

Я смотрел в лицо юноше, и видел, как в глазах сомнение борется с жадой мести. Сомнение победило – медленно опустился самострел. Может, я вызывал в нём недоверие, но уже как человек, а не непонятная кровожадна тварь.

Трофей отпустил плащ девушки и спокойно улёгся у костра, самозабвенно предавшись прежнему занятию. Всегда говорил, что он умница. Это окончательно сломило сопротивление парня.

– Кажется, нам стоит поговорить, может, присядете? – произнёс я, усаживаясь на прежнее место и этим не оставляя им иного выхода.

Переглянувшись, наши неожиданные гости устроились у огня, скрестив ноги.

– Моё имя – Лунь, это – Светлана, а пса зовут Трофей. А кто вы, что тут делаете?

– Меня зовут Томет, мою сестру – Тота...

История оказалась короткой и печальной: прибытие дра-

гала, нападение драконьеров, бойня в деревне... и дюжина ребят, что в это время охотились в лесу. А когда вернулись – обнаружили разорённую деревню, и снова ушли: похоронив погибших, и прихватив кое-какую утварь. Теперь они жили в лесу, изредка заходя в деревню – на огородах росли овощи – на одной дичи долго не продержишься. Ну а домашнюю живность почти сразу порезали лесные хищники, когда не стало, кому их гонять.

Нас заметили ещё на подходе к острову, и осторожно изучали. Когда же улетел дракон, было решено рассчитаться с «драконьерами». Вот и всё.

– Понятно, – подвёл я итог, – и вам, и нам есть за что ненавидеть Бездну. Есть также предложение – объединить силы. У меня – драгал, но нет команды, чтобы им управлять. Вам тут ничего не светит, да и отомстить Бездне сами не сможете...

– Да кто ты такой, – вспыхнул юноша, вскакивая с места, – чтобы делать подобные предложения?! Захотим, и отнимем драгал! Посмотрим, как потом запоёшь!

Я посмотрел на тяжело вздохнувшую Тоту: девушка явно не разделяла бурные чувства брата.

– Кто у вас главный? – спросил я девушку, – набольший, старшина, Голова – как там его зовёте.

– Не Томет. Он разведчик и отличный охотник, но не старшина. Я передам твои слова. Завтра утром... то есть – сегодня утром, принесу ответ. Но Томет прав: кто ты такой, что-

бы делать такие предложения?

– Я дам ответ, но не хочу повторять это несколько раз. Когда все соберётесь, я объясню.

– Ты так уверен, что мы согласимся?

– Вы – люди, и знаете что такое Бездна, а значит – согласитесь.

Я говорил очень уверенно. Я сомневался? В какой-то степени – да. Но мне нужна команда, и для того, чтобы её заполучить, придётся убеждать, уговаривать и объяснять.

– Хорошо. Спокойной ночи. Мы вернёмся завтра.

Я тоже пожелал им спокойной ночи, и наблюдал, как два силуэта растворяются во тьме. Будем надеяться, что эта ночь не готовит больше сюрпризов.

Трофей рычал, раздражённо и зло. Именно этот рык и вырвал меня из сна. Сначала подумал, что вернулись Томет с Тотой, но потом сообразил, что на них умная тварь рычать не стала бы.

Трофей рычал на драконьера, над которым с тревогой склонялась Светана.

Я вскочил: вредная девчонка стащила ключи, пока я спал! Первую половину ночи дежурил я, потом, когда стали от усталости слипаться глаза, разбудил Светану, улёгся спать. И спал так крепко, что ничего не чувствовал и не слышал. Но какова девка, а?! Как же она дотащила его сюда – из трюма? Он же неподъёмный...

Драконьера трясло крупной дрожью, он закатил глаза и тяжело, хрипло дышал. Занималась заря, а я так надеялся, что хоть один день проживу без сюрпризов...

– Что с ним? – преодолев раздражение и шикнув на Трофея, спросил я.

– Не знаю, – она уже плакала, – заглянула посмотреть, как он там – а он лежит вот так. Не отвечает. Ничего не говорит. Я не знаю, что делать! Лю-ютень... – тоненько позвала девушка, – Лютень, ты слышишь меня? Что с тобой братик? Лунь, что делать, а?

– Побиться лбом об землю, – грубо ответил я. Кроме захворавшего драконьера мне не хватало только женской истерики. – Успокойся и принеси миску чистой воды и тряпку, и я видел на драгале ягодную кислоту. Давай, бегом.

Светана убежала, подхватив юбки. Как она вытащила его с драгала, зачем это сделала – уж проще было разбудить меня, чем тащить такую тушу... Я молча смотрел на трясущегося драконьера: примочками тут вряд ли поможешь. И вспомнил слова Яrsa о «выбраковке» – может, их «жизнь» надо подпитывать какими-то снадобьями. Вон какие познания в травах у Яrsa – огого, обзавидоваться можно.

Вздохнув, достал кинжал: может, он был ранен, а я и не заметил? Придётся посмотреть.

Кожаная рубаха протестующе затрещала, когда стал разрезать плотную материю – как ещё можно её снять с тяжеленного тела? Но едва сделав надрез, я ощутил, как железные

пальцы сдавили горло, руку с кинжалом тоже парализовала жёсткая хватка, и я оказался на земле, придавленный драконьером. Ловушка! Опять... опять попался, как последний болван...

– Попался, щ-щенок!

– Трофей! – попытался позвать я, но вышел лишь сдавленный хрип.

Впрочем, пёс и так вмешался. Хотел вцепиться драконьеру в горло, но тот заслонился плечом, и теперь тварь яростно терзала его, пытаясь оттащить. К сожалению, Трофею ещё было очень далеко до прежних бойцовских качеств.

Хватка на горле продолжала сжиматься, я почувствовал, что задыхаюсь. Наши лица были рядом, и внезапно я понял, что в глазах противника отражается удовольствие. Драконьер душил меня с удовольствием! Не знаю, собирался ли Лютень убить меня или же довести до состояния, когда не смогу сопротивляться, но это выражение глаз заставило взбеситься. Правую руку, с кинжалом, освободить не получалось, а другого оружия у меня не было. Пару раз пнул драконьера коленом в живот, но никакого видимого эффекта это не произвело. Он продолжал медленно сжимать пальцы, прижимая меня к земле. Но левая то рука у меня была свободна, и с левой стороны горел костёр. Не обращая внимания на огонь, вырвал из земли заострённый металлический прут, один из двух – на которых лежала перекладина для котла, и что было силы ударил его в шею. В то место, где у людей

бьётся пульс.

Хватка разжалась, драконьер вскрикнул и схватился за прут, стоя на коленях. Я отполз к самому огню, жадно втягивая воздух – лёгкие горели.

Рука тоже горела – на ладони быстро вздувались пузыри ожога.

Драконьер хрипел, держась за прут и не решаясь его вытащить. Пронзительно взвизгнула Светлана – только теперь девушка выбралась на палубу и, не глядя под ноги, на опасно раскачивающийся узкий трап, сбежала на пристань. И наверняка думает, что я коварно отослал её, чтобы прикончить ненавистного драконьера... н-да.

Трофей лежал в стороне, положив голову на землю: бока твари тяжело ходили. Он отпустил врага, как только понял, что тот не сопротивляется, но внимательно за ним наблюдал.

Крепко зажмутив глаза, Лютень наконец решился: одним резким движением вырвал прут из раны. И тотчас хлынула кровь – алая, почти обычная человеческая кровь, только чуть более густая. И повалился ничком. Опять ловушка? Или же – правда потерял сознание?

Светану это не интересовало. Отчаянно вскрикнув, когда он упал, девушка в несколько секунд преодолела полосу выжженного обрыва, и бухнулась рядом на колени, пытаясь перевернуть драконьера. Со второй попытки ей это удалось. Из раны на шее хлестала кровь, увидев это, девушка замерла, прижав руки к лицу. В следующий миг она бросилась на ме-

ня, отчего я едва не свалился в костёр.

– Убийца! Ты убил его! Убил! Ты убил моего брата!

Я никогда не дрался с девчонками, и уж тем более с девушками или женщинами – и правильно делал. Невозможно драться с дикой кошкой – если женщина в ярости, мужчине следует благоразумно спастись бегством.

Светана оказалась такой же опасной, как и братец – драконьер, мне с трудом удалось избежать её ногтей, метящих в лицо. Оттолкнув её, попытался встать и увидел, как тонкие пальцы сомкнулись на рукояти кинжала – только этого не хватало...

– Светана, послушай, – я отступал, обходя костёр по кругу, – я защищался. Твой брат пытался задушить меня. Ну не веришь – посмотри на мою шею!

Но что эти доводы для обезумевшего от горя рассудка! Пригнувшись, удобней перехватив кинжал, девушка подходила всё ближе. Светлые волосы растрепались, обрамляя враз осунувшееся лицо на котором выделялись глаза: в них плясало пламя костра, несмотря на свет разгорающегося дня... Я решил попробовать ещё раз достучаться до её разума:

– Если ты успокоишься, мы можем попытаться помочь Лютню, он не мёртв, только ранен...

Полубезумный взгляд девушки метнулся с меня на брата и обратно, а в следующий миг я отпрыгнул назад – кинжал распорол рубаху. Запнувшись за что-то мягкое (как ока-

залось – за драконьера: отступая, я обошёл вокруг костра), я упал, и тут же перекатился – там, где только что билось моё сердце, в сухую почву вонзился кинжал. Стремясь пустить мне кровь, девушка совсем потеряла голову: не вспоминая ни об осторожности, ни об осмотрительности – подошла слишком близко. Сделать подсечку не представляло сложности. Как и выкрутить кинжал из враз ослабевшей руки.

Откинув его подальше, склонился над девушкой: лёжа на спине, закрыв глаза, она беззвучно плакала, из прокушенной губы, пачкая лицо, текла струйка крови:

– Вставай! Пойдём, посмотрим, чем можно помочь твоему брату.

Я помог ей встать и подвёл к драконьеру – Светлана не сопротивлялась, истратив все силы на вспышку.

Драконьер так и лежал – неподвижно, негромко, но с каким-то странным присвистом дышал, на губах пузырилась кровь. Кровь из раны образовала небольшую лужицу – её жадно впитывала сухая земля, а в ней... в ней лежало сердце. Обычное человеческое сердце – оно пульсировало, из обрывков сосудов текла кровь. Заворожённый, я нагнулся и поднял его, рассматривая – в руку легло нечто живое и мягкое, оно не хотело умирать... да это же... это же кристалл! Когда Светлана распорола рубаху он, очевидно, вывалился – прямо в кровь драконьера! Я посмотрел на девушку: оторвав рукав от платья, сложила его в несколько раз и прижала к ра-

не – ткань мгновенно стала красной, но Светана продолжала прижимать её к шее драконьера. Из широко раскрытых глаз градом катились слёзы, которых девушка не замечала. Что будет, если её брат умрёт? Не станет ли это последней ступенью, с которой несчастная шагнёт в царство безумия?

Я вспомнил слова Светаны о кристалле, который может драконьера вернуть к человеческому облику. Но исцелит ли раны? Может – это подсказка Судьбы – а не случайность, что кристалл упал именно в кровь драконьера? Имею ли право поступать иначе? Я же не знаю, к чему приведёт такой поступок! Но в ладонях билось сердце, а рядом погибали два других... что мне делать?!

– Не делай этого, Лунь! – прозвучал в ушах голос дракона. Казалось, он звучит из невообразимой дали. – Не смей!

– Почему?

– Если спасёшь сейчас – тебе придётся потом его убить. А сам станешь намного уязвимее. Смерть этого существа предreshена, и если вмешаешься – последствия будут непредсказуемы...

– Так значит... Судьба – существует?

– Не знаю. Может быть, – в голосе дракона прозвучало неудовольствие, словно я заставил сказать его то, чего он не собирался говорить. – Но будущее – существует. Я знаю.

– Откуда?

Молчание. Я стоял, закрыв глаза, и ждал ответа.

– Я видел, – наконец произнёс дракон, вымученным то-

ном. – Я видел будущее. Не делай того, что собирался.

– Я не могу, – в руке по-прежнему пульсировала жизнь, все звуки исчезли, время остановилось. – Не смогу жить ещё и с этим грузом. Стихва – была первой, жители той злосчастной деревни, которую уничтожили драконьеры, теперь ещё и Светана с братом... Я не смогу.

Молчание, куда как более продолжительное, чем в прошлый раз – дракон решал, решал, приоткрыть ли завесу будущего. Для меня. И я ждал: чувствовал его колебания.

– Послушай моего совета, Ирай, завяжи его на себя, на свою кровь... – и смолк, как будто между нами внезапно выросла каменная стена.

Открыл глаза – и в мир вернулись звуки, я словно вывалился из темноты на свет. Светана неподвижно лежала рядом с братом и на фоне жёлто-серой кожи драконьера, была странно бледна, чуть не светилась изнутри. Последние события вызвали слишком сильное потрясение, исчерпав силы девушки, похоже, она была в глубоком обмороке. Ну что ж, хоть мешать не будет.

Подобрав кинжал, провёл лезвием по запястью. Сначала потекла кровь, обычная человеческая кровь, и я вспомнил своё видение – тогда кровь взломала защиту Бездны. Странно, только теперь обратил внимание, что на месте, где должен был остаться шрам от моих зубов – ничего нет, кожа гладкая. И, едва сообразил это, как из раны хлынул огонь – кровь дракона. Знать бы, от чего это зависит... Я подставил

под этот огонь сердце, и оно судорожно сжалось, как от невыносимой боли, будто узнавая заново...

Я не был *вешьти*, не умел исцелять или убивать с помощью магической Силы, никогда не проводил никаких ритуалов... не знал, что делать с кристаллом. Поэтому пошёл по самому простому пути: если кристалл превратился в сердце просто окунувшись в кровь – то, наверно, не нуждается в помощи. Ну, может – совсем чуть-чуть. Нагнувшись над неподвижным телом, я медленно опустил пульсирующий мягко-упругий комок, в последний миг осознав, что не хочу его никому отдавать – но зачем мне второе сердце? Чтоб вдвое больше болело в груди? И я отступил, заставив подавить приступ жадности.

...став полупрозрачным, сердце медленно погружалось в грудь драконьера, излучая слабый розоватый свет в такт сердцебиению. Не обращая никакого внимания ни на куртку, ни на кожаную рубаху – для магии жизни не существует преград.

Я стоял над братом и сестрой, пошатываясь от усталости, огонь из пореза уже не тёк, но рука болела. Утро только началось, а сил уже никаких нет...

Дождавшись первого глубокого вздоха, первого стога перерождённого человека, я отошёл, плюхнувшись на землю рядом с Трофеем. Пёс преданно заглянул в глаза, но я слегка шлёпнул его по затылку: почему не помог справиться с бешеной кошкой?

– Хотел бы я разделять твою веру в меня... – тихо проговорил я, и вновь протянул руку: Трофей совсем не обиделся на подзатыльник и с готовностью подставил уши, мол, чеши. Наглец. – Хотел бы я знать, что натворил...

– Лунь...

Обернувшись на голос, слабо махнул рукой – присаживайтесь: за спиной стояли Тота и Томет. Кажется, Трофей заслужил ещё один подзатыльник.

– Мы всё видели, – тихо произнесла девушка, усевшись рядом. У неё почему-то был очень виноватый взгляд. А её братец, вообще, был красным и пристыженным, и избегал встретиться со мной взглядом.

– Вы видели, как на меня напал драконьер... – пришло внезапное понимание, – и не вмешались.

Сил смеяться не было, я просто откинулся на спину, глядя в низкие тучи. В нескольких мерах от меня, живой кристалл, слеза дракона-предателя меняла тело человека, возвращая к человечности. Вмешайся эти двое вовремя, всё сложилось бы иначе. Драконьер не был бы ранен, Светлана не пыталась бы убить меня, обезумев от горя, и я не стал бы распорядиться бесценным сокровищем по своему усмотрению. Если бы эти двое... Я ощутил внезапное отвращение к этим людям, да что там к людям! – ко всему человечеству без разбора.

– Ты ранен... холодные пальцы прикоснулись к руке, но преодолев себя, не стал отдёргиваться. Пусть смотрит. –

Кто ты, Лунь? – последовал тихий вопрос. Рана на запястье уже затянулась, да и ожог уже почти исчез с ладони.

– Дурак. Я – дурак. Нашёл на что надеяться. Это качество – наивность называется – не лечится даже драконьей кровью. Слушай, Тота, – резко сел, – а идея посмотреть, что будет – Томета, да? – я ждал ответа с каким-то болезненным любопытством, хотя, какое это имело значение?

– Тебе так важно узнать ответ? – серо-зелёные глаза внимательно и строго смотрели на меня, будто это я в чём-то провинился.

В ответ лишь пожал плечами: важно? Да ничуть. Бездна, да какие дела, я исключительно развлекаюсь, когда меня душат.

– Если тебе так важно найти виноватых – то виноваты мы оба, и неважно, кто предложил, а кто согласился.

Эк повернула – умница девочка!

– Ладно, забыли. Говори, с чем пришли. Ты же принесла ответ?

– И убирайся восвояси? – догадливо закончила она мысль. – Ну что ж, ты вправе негодовать. Мы согласны подчиниться, стать твоей командой. Так что – решать тебе.

– Но Тота... – растерянно произнёс Томет, – мы же решили... – и умолк, встретившись с ней взглядом.

– Старшая не велела возражать... – задумчиво протянул я. И знал, что не ошибся.

– Давно понял? – хмуро поинтересовалась девушка.

– А это важно? Нет, только что – благодаря Томету. Интересно, что тебя переубедило.

Тота не успела ответить: неподвижно лежавший до этого Лютень вдруг хрипло застонал, пытаясь встать. Глаза были закрыты, но он всё же поднялся на четвереньки. Мы вскочили – следовало ожидать всего что угодно, Трофей заложил уши и низко, предупреждая зарычал. Тело драконьера конвульсивно содрогалось, отторгая то, что меняло его, пыталось вышвырнуть, вытошнить непрошеное вмешательство. Я с отвращением смотрел, как изо рта, из изломанных болью губ показалось оранжево-розовое, полупрозрачное щупальце. Оно нехотя покидало тело, живо напомнив мне щупальца-из-бездны, – и одновременно вызвав ощущение гадливости – это был паразит.

Оно оказалось длиной в локоть, конец был испачкан кровью – у Лютня от напряжения ртом и носом пошла кровь и, упав с мягким «шмяком», приподняло над землёй утолщённый конец.

Осматривалось, хотя ни глаз, ни ушей, равно как и других органов чувств, заметно не было.

Осмотрелось и, не обращая внимания на безвольно распластавшееся тело драконьера, потекло, мягко извиваясь к краю обрыва – к бездне. Я не успел ещё толком осознать, что ж это такое, как в воздухе коротко свистнул металл – кинжал пригвоздил тварь к земле в нескольких мерах от нас, так, как будто она была живой, из плоти и крови. И теперь

язык пламени скручивался и извивался вокруг клинка, земляным червём-ползуном, насаженным на крюк. Там, где его проткнул кинжал, набухало яростное свечение, становилось всё темнее и плотнее. Мне это всё больше не нравилось.

– Томет, бери девушку и неси подальше от ... этого, – негромко скомандовал я, – Тота, поможешь перенести драконьера, и – быстро.

Томет кивнул и, не сводя глаз с буйствующего паразита, подхватил Светану на руки. Я взял драконьера под мышки, Тота – за ноги, и всё равно с трудом подняли тяжеленное тело. Но не успели сделать и несколько шагов, как клинок, торчавший в «теле» паразита, раскалился, а затем рассыпался горящими угольями. Утолщение, образовавшееся вокруг «раны», скачком увеличилось до полумеры – и взорвалось. Я ещё успел поразиться красоте небывалого огненного ало-чёрного цветка, и всё поглотила тьма...

Нет, не тьма... багровая мгла. Вокруг никого и ничего не было – только огненная мгла: под ногами – темнее, над головой – светлее и ярче.

– Должна тебя поблагодарить, – раздался мягкий знакомый голос – вкрадчивый голос повелительницы, – ты убил моего слугу, но я не сержусь, ты сам отдал мне кристалл...

– Где ты? – я повернулся вокруг, осматриваясь, – покажись.

– Зачем? Тебе безразличен мой облик, зачем тогда показываться?

– Я привык видеть собеседника.

– А-а, глаза – зеркало души, да? Я тебя разочарую – у меня нет души. Но ладно, будь по-твоему. Выбирай.

Сотканные из лепестков огня, неторопливо поплыли лица-маски: Леля, Хмысь, Светлана, какая-то незнакомая девочка, Лютень, Томент, Тота... У меня закружилась голова от этого огненного хоровода.

– Прекрати! – попросил я, закрывая глаза, – У тебя есть собственное лицо?

Молчание, а потом из мглы выступил призрак: женская фигура, окутанная жарким маревом – невесомой кисеей, алые завитки волос, обрамляющие овал лица... но лица не было – гладкий удлинённый и абсолютно пустой овал. Несмотря на царящее вокруг тепло, даже жар, меня пробила холодная дрожь.

– У меня нет своего лица, Ирай. Я прихожу такой, какой хотят видеть люди...

– Допустим, я не хотел бы ни видеть, ни знать тебя, – сгрубил я.

– Это взаимно, – показалось, что она улыбается, хотя никакой улыбки на пустом «лице» не было. – Такого скользкого и вредного типа мне ещё не встречалось. Но тем приятнее будет разделаться с тобой.

– Так что мешает – поинтересовался я. Глупо, конечно, дразнить шипохвостов, особенно если не умеешь быстро бегать, но иногда очень хочется.

— Глупенький, — почти проворковала Бездна, — мне ничего не мешает. Я жду, жду, когда достанешь остальные пять кристаллов. Ах да, ты же не знаешь... Теперь достаточно просто убить твоего дружка Лютня — и кристалл будет мой! Что молчишь?

— Думаю, — усмехнулся я, — где мы?

— Ты — ты лежишь без сознания, на острове, где, как полагал глупый дракон, я не достану тебя. Но ты сам пришёл ко мне... А я — я везде.

— Имени у тебя тоже нет... не только лица... — рассуждал я, — Ты — везде и — нигде. Что мешает тебе самой добыть кристаллы? Вездесущей, всемогущей? — мне было важно понять её, понять, что руководит её поступками. Утверждения дракона — это одно, утверждения Бездны — другое, истина же, как всегда, лежит где-то в стороне...

— У меня нет рук, Лунь, тем более — во мне нет драконьей крови, живой драконьей крови. Я их не вижу, не могу взять. Только такой как ты — способен их почувствовать и увидеть, только тебе они подчинятся.

— А как же слуги — драконьеры?

— Они — не слуги, они — рабы, — с оттенком пренебрежения отозвалась Бездна, — И ни на что не годны — даже не смогли найти тебя и удержать на своём острове. Во всё приходилось вмешиваться...

— Но ты тоже не смогла мне помешать...

— Откуда знаешь? Может, твой побег — часть моего пла-

на?

– Сомнительно что-то, – скептически отозвался я. Меня уже начал утомлять этот разговор, больше похожей на детскую перебранку. Может, он и развлекал «повелительницу», но не меня.

– Лунь, – внезапно изменившимся голосом позвала она, шагнула вперёд, и прежде чем успел отпрянуть, взяла за руку, – Лунь...

Голос... не был голосом Бездны, но он знаком мне. Огненная мгла стала сгущаться, заливая глаза мутной пеленой – но я успел разглядеть, как пустой овал превращается в лицо – в лицо Тоты, прежде чем мгла окончательно превратилась во тьму.

Ладонь по-прежнему сжимала рука Тоты: она провела меня сквозь эту тьму. Девушка стояла на коленях надо мной, склонив голову, так, что короткие прямые волосы скрывали лицо, крепко держа мою руку. Вот и ещё загадка: обычный человек не смог бы вытащить меня из владений Бездны. Пусть даже я и не желал там больше находиться.

– Кто ты? – мешала сухость во рту, но я всё же выговорил эти коротенькие слова, и девушка вскинулась, распахнув тёмно-серые глаза. А прошлый раз показалось, что они – серо-зелёные... – отстранённо подумал я.

– Получилось! – радостно воскликнула она, – Томет! Получилось!

Я услышал шаги, а потом надо мной остановился юноша, глядя сверху вниз с каким-то неудовольствием.

– Молодец, сестрёнка, – без всякого энтузиазма похвалил, – но я бы не стал его вытаскивать.

– Ничего другого от тебя и не ожидала, – скривилась девушка, отпуская мою руку, – ладно, иди, а то костёр опять потухнет.

Он пожал плечами и развернулся, а Тота скорчила забавную рожицу и показала язык в спину юноше – как маленькая, ей-богу. Потом спохватилась и смущённо посмотрела на меня:

– Не обращай внимания, Томет всегда находит кого обвинить в своих ошибках – кого угодно, но не себя. Если бы он не пригвоздил того слизня, ничего, возможно, и не случилось. И, осознавая, что поставил нас в опасную ситуацию, бесится... но он хороший, – добавила девушка подумав.

– Да нет, всё правильно, – возразил я, но в подробности вдаваться не стал. Ни к чему теперь рассуждать, что было бы, вернись «слуга» в бездну.

Вместо этого я сел и осмотрелся: мы были недалеко от того места, где взорвался паразит – там чернело небольшое пятно выжженной земли. Куда меньше, чем показалось в момент взрыва. Неподалёку Томет пыхтел над костром, который упорно пытался погаснуть. Рядом с ним на собственных плащах лежали драконьер и Светана: ни один, ни второй так и не пришли в сознание.

– Как ты сумела дотянуться до меня? – я встал, с удовольствием отметив отсутствие слабости в теле. Кажется, я начинаю привыкать к подобным рандеву с Бездной.

– Так, нахваталась кое-каких знаний, правда – по верхам. Вот, тебя – вытащила. Но... ты, как бы сказать, был рядом. А этих двоих, – кивнула на девушку и Лютня, – я вытащить не могу, они слишком далеко зашли.

– Они справятся, – мне неизвестно, откуда появилась уверенность в этом, но появилась – и осталась, – просто надо отдохнуть. Они слишком многое пережили.

– Будем надеяться, – согласилась Тота вздохнув.

– А где Трофей? – оглядевшись внимательнее и не обнаружив нахальной псины, поинтересовался я.

– Не знаю, недавно здесь был...

Леля. Время спокойствия души

Эти дни стали временем странного спокойствия души. От меня ничего не зависело. Я ничего не могла сделать. Спокойный ритм жизни поначалу здорово выбивал из равновесия, из привычной колеи...

Какое-то время после изгнания я ещё торопилась: вперёд, скорей, скорей найти вторую деревню, найти способ вырваться с острова, ставшего тюрьмой! Но самой судьбой мне был определён спутник, с которым не очень-то поторопишься. И я заставила себя подстроиться под темп жизни ребёнка: лихорадочный поиск превратился в неторопливую прогулку, перемежаемую охотой и сбором ягод, благо сейчас был период их созревания.

Прошло много дней после того, как Хмысь подбил команду оставить меня на острове. Сначала ещё пыталась вести им счёт, но потом сбилась и махнула рукой, какая разница в какой день обирать малинник или разделывать тушку зверька?

Шли по обрыву. Останавливаясь, разводили огромный костёр, отчасти – чтобы уберечься от тварей (которых не видели в последнее время), отчасти – чтобы привлечь внимание драгала, если будет скользить мимо. Но мимо плавились лишь равнодушные жаркие потоки, да бывали изредка всплески излучения.

Остатки тушек, а я не запасала мяса больше чем на два дня, либо оставляла на съедение местным хищникам, если это было крупное животное, либо сжигала в костре, когда добыча не превышала размерами коцека. Может, поэтому и не видели тварей-из-бездны. Счёт дням я потеряла, но не чувство расстояния: мы должны были вот-вот, на днях прийти туда, откуда начали путь, к мёртвой деревне. А это значило, что второй деревни нет. Либо и не было никогда, либо драконьеры сровняли её с землёй так давно, что даже и следа уже не осталось. Мог быть и третий вариант, но он все ж был очень сомнителен. Но если он верен, то я ошиблась, решив идти по обрыву: следовало начать прочёсывать лес. И как же этого не хотелось!

Сгущалась багровая мгла – вечерело. Из бездны веяло сухим горячим ветром, изредка в мглистых просторах вспыхивали языки пламени – обманные маяки для неосторожных. Пришло время устраиваться на очередной ночлег.

Насаживая мясо на пруты, я сосредоточенно думала: что делать дальше? Мы не можем вдвоём остаться на безлюдном острове на всю жизнь, а то что он безлюдный, не вызвало уже никаких сомнений. Я посмотрела на девочку, сосредоточенно пыхтящую над арбалетом: что делать? Продолжать кружить по обрыву, надеясь, что нас заметят с проплывающего мимо драгала или же остановиться возле мёртвой деревни, и опять-таки – ждать? Я не знала.

Ночь протекала по уже привычному распорядку: ужин,

моё дежурство, дежурство Вешы. Ничего странного, ничего необычного. Всё как всегда...

Но, несмотря на усталость, засыпалось с трудом. Смотрела на пляску теней вокруг костра, и не могла сомкнуть глаз, чувствуя внутренний озноб, неизвестно откуда взявшийся. И всё же, спустя некоторое время я заснула тяжёлым и беспокойным сном.

Как говорила *вешьти*: некоторые сны – это тени будущего, некоторые – тени прошлого, но есть сны – тени нашей вины, которую переживаем вновь и вновь. И часто очень трудно понять к какой тени относится то или иное сновидение.

Этот сон не был вещим, это я знала ещё до того, как проснулась окончательно. В нём смешалось многое, что довелось увидеть и пережить. Но этот сон был тенью моей вины: чередой прошествовали мимо призрачные картины, в которых были живые люди... когда-то живые. Как в жизни, так и во сне я оказалась бессильна что-либо изменить, и это было так же мучительно, как и в яви.

Проснувшись, долго лежала неподвижно, не давая Вешы понять, что уже не сплю – мне надо побыть в одиночестве. Пусть даже так – рядом с ней, но ощутить опустошение в душе. Я знала, что это ненадолго, что это надо для того, чтобы потом ощутить всю полноту жизни. Многие, я думаю, ощущают эту смену чувств, но не осознают, в чём дело – не до того...

Смотрела вдаль – в зыбкие просторы огненного жара

и не видела ничего: картины прошлого вставляли передо мной словно наяву. Я ещё помню те времена, когда противостояние между человеком и Бездной не было столь острым, да и сейчас оно всё ещё в каком-то пассивном, замедленном состоянии. Может, дело в разобщённости: мы не можем сплотиться и дать отпор, в том, что слишком мало людей знают истинное положение вещей. Может, причина в том, что люди не могут выжить над бездной, и оттого ограничены клочком суши, твердью, опаляемой жаром.

Я смутно помню отца Луна, первые встречи, когда он показал впервые кулоны из слёз дракона и рассказывал о других островах, где заперта жизнь, где люди ничего не знают о Мире. Он помог моему отцу разбить оковы, удерживающие нас на одном острове, дал возможность по-настоящему сражаться за свою жизнь, а не зависеть от воли драконьеров. Когда я вспоминаю это время, передо мной неизменно появляется одна и та же картина: ясное утро, возбуждённый гвалт детворы, оживлённо переговаривающиеся взрослые, ожидающие, пока пришвартуется драгал. И ошеломлённая тишина, когда по узкому трапу спустился человек. И вскоре на нашу деревню напали драконьеры. Если б не Велар с командой, едва бы мы отбились. Всё же, искусство войны не процветало в нашей жизни, нужнее были навыки охотника и землепашца.

Нападения, всё усиливающиеся, следовали одно за другим. До тех пор, пока мы захватили несколько драгалов, от-

носительно не пострадавших, и сбежали с острова – нужно было укрыться, и что ещё важнее – найти союзников, сильных союзников. И Велар привёл нас к таким союзникам, к надёжному убежищу, к острову, который местные жители называли очень просто – Твердь.

Он не был похож ни на что из того, что я видела и раньше, и потом, когда стала путешествовать сама.

Крепкие причалы пустовали – как и полоса обрыва. Но Велар невозмутимо собрал возбуждённых и недоумевающих людей и неторопливой походкой отправился к кромке леса. Как оказалось, это был не лес, а всего лишь неширокая полоса деревьев, отделяющая причалы от каменных стен поселения. Надо сказать, что не только я – тогда ещё ребёнок, но и взрослые люди были поражены, когда за деревьями, в нескольких десятках мер перед нами оказалась каменная стена. Высотой в пять человеческих ростов, сложенная из грубо тёсанного серого камня, она простиралась в обе стороны, насколько хватало взгляда. Велар вывел нас к огромным воротам, очень массивным, сработанных, судя по всему, из железного дерева, железом же и окованных. И со стены отряд, похоже, заметили. Последовал ряд вопросов, на которые ответил Велар, после чего ворота слегка приоткрылись – достаточно, что бы могли пройти три человека в ряд. И мы оказались за стенами Крепости.

Как оказалось, эта стена вовсе не была стеной гигантского дома – как мне тогда подумалось, и люди там оказались

вполне обычными, а не огромными великанами, как рисовало возбуждённое детское воображение. Самые обычные люди, только в странной металлической одежде. Я впервые увидела доспехи.

Мы прошли за пределы стены, и снова остановились как вкопанные. То, что мы видели, было поразительно. За стеной стояло несколько домов – это были казармы для стражи, но дальше, аж до стен крепости, простирались возделанные поля, на которых колосились злаковые. Как я потом узнала, с другой стороны располагались богатые пастбища, на которых мирно паслись шипохвосты и остальные рогатые.

До стен крепости нам пришлось идти довольно долго. Люди, встречающиеся на пути, удивлённо рассматривали нас, и о чём-то спрашивали стражей. Я с любопытством прислушивалась к их говору и, хотя понимала отдельные слова, смысл от меня ускользал. Потом я узнала, что язык на всех островах лишь незначительно отличается, для человека упорного ничего не стоит в нём разобраться.

Врата крепости тоже оказались из железного дерева, но менее массивные, чем наружные. Они пропустили за первую крепостную стену, сложенную из того же грубо тёсанного серого камня, но так искусно, что в швах между глыбами не оставалось зазоров для руки или ноги, даже для глаза. Впрочем, перелезть её и не пытались, а вот свежая кладка была чётко видна, как мне потом рассказали, её положили вместо пожранных мёртвой драконьей кровью камней.

Не в первый и не в последний раз, как оказалось. Таких стен оказалось три, но на внутренних не было следов боёв. Драконьерам ни разу не удалось пройти дальше внешней стены, охватывающей возделанные земли. И взять крепость измором – тоже не вышло. За первой стеной росли замечательные, ухоженные фруктовые деревья, а водой крепость снабжали многочисленные родники. Так что, нападающим приходилось каждый раз убираться несолоно хлебавши.

За второй стеной начинались жилые дома, казармы для воинов и торжища, мы торопливо миновали гулкие, гудящие голосами улицы, и оказались за третьей стеной. Тут было более тихо и спокойно, дома казались более основательными и ухоженными, а кое-где попадались целые усадьбы. В центре, на небольшом естественном возвышении находился большой, в несколько этажей дом, сложенный из серо-серебристого камня. Широкие ступени из того же камня вели к большой двери, напоминающей врата, только украшенные прихотливым растительным узором. Учитывая, что дерево не зря получило название железного, этот факт не мог не вызывать уважения.

Только подойдя вплотную, поняла, что напоминает мне этот дом – тех стражников, у ворот, закованных в броню, ожидающих нападения и не имеющих права ни на секунду ослабить бдительность, отдохнуть. Это впечатление усиливало ещё и то, что вместо окон до третьего этажа в стенах были прорезаны узкие щели – бойницы. Это был последний оплот,

последний рубеж сопротивления, и мастера, закладывающие первый камень в фундамент, изначально знали это.

Ах, если бы мне попасть на этот остров, встретиться с градоправителем Утером! Он должен помнить меня, и сможет поверить. Велару верил, и отец Луня также доверял ему. Он бы помог найти выход из положения. Но как добраться до Тверди, когда мы тут одни – без драгала, без команды? Это неосуществимая мечта...

Вздохнув, я села – пора было приводить себя в порядок и отправляться дальше. Но если бы кто-нибудь знал, как устала от этого «дальше», от необходимости идти куда-то без малейшей надежды на достижение цели. Но я должна...

К вечеру достигли причала и мёртвой деревни. Обойдя остров по кругу, вернулись туда, откуда начали путь. Чуда не случилось: мы пленники этого острова если не навсегда, то надолго...

– И что дальше? – спросила Веша, когда развели костёр, а в котелке над ним забулькал овощной бульон. Как и в прошлый раз, я надёргала овощей с зарастающих сором огородов. – Что теперь будем делать?

– Не знаю, Веша, – не хотелось лгать девочке, – будем ждать. Думаю, ждать стоит здесь...

– Чего? Ты думаешь, Хмысь передумает и вернётся?

– Едва ли.

– Тогда чего? Драконьеров? – не отставал ребёнок.

– Хотя бы и их. Нам надо выбраться с этого острова, и для

этого все средства хороши.

– Драконьеры нас просто убьют, – угрюмо бросила девочка, – или надеешься, что они примут тебя за свою? Но меня-то точно убьют.

– Не говори глупостей. Как они могут принять меня за свою? Я выгляжу как человек... Кроме того, они слишком хорошо знают, кто я такая. Нас, конечно, могут убить... но скорее – попытаются доставить на остров драконьеров. А это уже возможность покинуть этот остров. В пути чего не случится – если не зевать, вполне можно удрать на каком-нибудь острове...

– Лучше бы всё-таки вернулся Хмыся, я скучаю по ним... по всей команде. Нам было так весело...

– Я тоже... – усевшись рядом, обняла девочку за плечи, – я тоже очень скучаю по ребятам. Но знаешь, думаю, мы ещё увидимся с ними, и посмеёмся над всеми этими событиями...

– Правда? – недоверчиво посмотрела мне в лицо, – Ты правда так думаешь?

– Конечно, малышка, – улыбнулась я, – я бы не стала тебе врать. Я, правда, думаю так. Думаю, что рано или поздно всё закончится хорошо...

Хорошо быть ребёнком... можно доверять взрослым, даже если то, что они говорят, идёт вразрез с действительностью. Но, даже если Веша и почувствовала ложь, всё же поверила. Просто, ей хотелось поверить.

Вечер прошёл как обычно: поужинав, мы стали устраиваться на ночлег. Веша ложилась спать первой, и сейчас укутывалась в плащи, норовя устроиться поудобней. Наконец перестала вертеться и высунула наружу нос:

– Спокойной ночи, Леля.

– Спокойной, Веша...

– Знаешь, я рада, что ты не драконьер.

– Я тоже, спи давай.

Улыбнувшись, девочка вновь натянула край плаща на нос, закрыла глаза, и почти сразу её дыхание стало ровным и глубоким – заснула. Немного подождав, я взяла самострел и, стараясь не шуметь, зарядила. Но закат был так красив, а вокруг так тихо! Хотелось думать о великом и бесконечном, прекрасном и добром – именно в такие моменты жизнь ценится более всего, кажется чудом, дарованным для чего-то большего, чем является человек и его жизнь...

Но закат угас, последние, нежно-розовые лучи поблёкли, поглощённые низкими, косматыми и тяжёлыми тучами. И откуда только берутся эти тучи? И где проливают накопленную влагу? Острова, на которых я побывала, не баловали частые дожди – везде была умеренно-сухая погода. Не так чтобы без дождей, иначе люди не смогли выращивать урожай, но частых ливней нигде не наблюдалось. Но откуда-то они берутся? И куда-то уходят? Посмотреть бы на те острова, над которыми идут частые дожди...

Было немного тоскливо и грустно, но теперь не из-за то-

го, что мы тут застряли. Причина была в чём-то другом, вот только я не могла понять – в чём.

Наконец минула большая часть ночи и, разбудив Вешу, легла спать, отогнав все мысли и чувства: завтра будет новый день, завтра я и буду думать обо всём.

– Время пришло...

Шепот коснулся слуха, и я проснулась. С минуту лежала, прислушиваясь, но вокруг царила тишина: ни треска костра, ни шёпота листвы, ни дыхания Вещи – ничего. Мёртвая тишина, и вдруг:

– Время пришло, Леля...

Я резко села, осматриваясь – голос не принадлежал Веще, но никого и ничего. Только девочка сидит у костра. Я рассмотрелась внимательнее: спит она, что ли?

Веша сидела у самого огня, скрестив ноги и закрыв глаза. Спина девочки была выпрямлена и напряжена, словно кол проглотила, но руки безвольно лежали на бёдрах. Лицо отрешённое и, одновременно, сосредоточенное – это не похоже на сон...

– Время пришло, моя преданная раба, – разжались губы девочки, но зазвучавший голос не был голосом Вещи. Более глубокий и сильный, он мог бы принадлежать взрослой, властной женщине, но не одиннадцатилетнему ребёнку, – пора послужить госпоже...

Веки Вещи дрогнули и медленно поднялись – на меня

в упор глянули два расплавленных омута, две раскалённые бездны, губы искривились в насмешливой ухмылке.

Если бы могла – отшатнулась, даже бросилась наутёк, но я не могла. Тело больше не слушалось меня, а сердце пронзила знакомая боль – передо мной была Хозяйка, Бездна.

– Напомни поблагодарить твоих друзей, этого дракона и ведунью. Они думали, что ломают мои планы, но на самом деле, подарили решение проблемы. И решением станешь ты, дорогая моя.

– Я... не буду помогать, – слова дались с трудом, но всё же выговорила их. – Я... не раба... – на большее сил не хватило.

– Да? – гримаса презрительного удивления на лице ребёнка выглядела отталкивающе, – А кто же ты, как не раба? Ты драконьер, милая, моё творение – и я могу сделать с тобой всё, что захочу. Захочу, – тут она подняла руку, – и твоё сердце – остановится.

Она резко сжала пальцы в кулак, и я задохнулась – сердце, пусть и пронизанное пульсирующей болью, вдруг стукнуло и замерло. Боль исчезла, оставив тянущую тяжесть.

– Довольно, пожалуй, – детский кулак разжался, спустя две минуты: я со всхлипом втянула воздух, – дыши. Пока.

– Всё равно... не буду...

– Дышать не будешь? – насмешливо уточнила она. – Ну, не дыши.

– Помогать, – это уже получилось твёрже.

– Да собственно, твоё согласие и не надо. Хватит и жела-

ния выбраться отсюда. В принципе, могла бы тебя и не будить. Но иногда хочется просто развлечься. Поговорить с кем-нибудь... Так скучно быть всемогущей, всезнающей... Но мне пора. До встречи, Леля.

И в тот же миг девочка обмякла и повалилась на землю, как тряпичная кукла. Хотела вскочить, чтобы помочь ей, но поняла, что не могу. Тяжёлая сонливость навалилась, как кусок скалы.

Тихо... Осколок пригревает, бездна слабо гудит. Ну и сны же иногда снятся!..

Сладко зевнув, потянулось всем затёкшим телом, заставив каждую мышцу расправиться. Что-то я заспалась, судя по тому, на какой высоте находится светило. И Веша тоже хороша – не разбудила утром. Хотя... можно и полениться, мы же никуда не идём. Ждём у причала неизвестно чего: то ли Хмыся, то ли драконьеров... Нет, встать всё-таки надо, приготовить завтрак, да и вообще... так и лентяйкой недолго стать. Давай, давай, вставай Леля!

Уговаривая себя таким образом, открыла один глаз, потом второй: ясный день. Даже скорее – полдень. А это что такое? И где костёр?!

Веша слабо застонала, когда я перевернула её на спину. Лицо девочки было белым, в уголках губ засохла кровь...

Это был не сон. Беседа с повелительницей бездны не приснилась мне. Всё было наяву – и состояние Вешки доказыва-

ет это. Хорошо хоть, что девочка выдержала это... вселение. Но никогда и ни от кого не слышала, что Бездна способна на подобное. Впрочем, сейчас не время об этом думать...

Устроив девочку поудобнее, положив её голову себе на колени, сосредоточилась. Одна рука легла на лоб, вторая – на затылок... но я так давно не исцеляла... и не хочется обращаться к Силе Бездны. Но Веше нужно помочь. И с удивлением почувствовала, как кровь отхлынула от рук – пальцы заledenели, а в следующий миг кровь вернулась обжигающей волной: кисти и ладони окутало знакомое розоватое свечение и, продержавшись несколько минут, схлынуло. Веша глубоко вдохнула и вдруг открыла глаза:

– Почему ты плачешь, Леля? – слабым голосом спросила она, а я удивлением почувствовала две тёплые дорожки на щеках.

– Просто так, – улыбнулась в ответ, – мне хочется, вот и плачу.

– Я спать хочу... – пробормотала она, закрывая глаза.

– Спи, моя хорошая.

Я смотрела в лицо девочки, фарфорово-белое, почти светящееся изнутри, и чувствовала огромную, опустошающую нежность и жалость. Бедный ребёнок, сколько ещё ей предстоит пережить?

– А ты не уйдёшь? – испуганно распахнулись её глаза.

– Нет. И даже не пошевелюсь, пока не проснёшься, – заверила я.

– Хорошо.

Девочка заснула мгновенно, похоже, крепко, к щекам постепенно возвращался естественный детский румянец, дыхание глубокое и ровное. Я же сидела над ней, поглядывая на руки, и пыталась понять, что сделала. Сила, отозвавшаяся на призыв, не относилась к Бездне. И в то же время не была целиком моей: я зачерпнула в источнике, которого не знала. И это беспокоило.

Тем временем Осколок поднимался всё выше, напоминая о проблемах насущных. Где мы? Мало того, что не было и следа от костра, исчез также причал, и деревенские огороды, которые были частично видны с места нашей стоянки. Куда всё подевалось? Или, скорее, куда забросило нас? Вокруг был только пустынный обрыв, бездна да лес. Кроме того, исчезли все пожитки. И что бы это значило? Ну ладно, без котелка, кружек и фляг обойдёмся, но что с нами будет без оружия – самострел исчез, остался только кинжал на поясе, который я не снимала на время сна.

Вокруг было тихо, раздавались лишь обычные для бездны и леса звуки, но вот один странный звук привлёк моё внимание: топот. Сначала я не поверила себе, но топот приближался, и это явно были не дикие животные: никто, кроме человека не умеет чеканить шаг.

Мы находились на излучине обрыва, и кто бы там ни шёл, должен был выскочить прямо на нас. На какой-то миг я заколебалась: может, стоит спрятаться? Но решила остать-

ся на виду: драконьеры не признают военной дисциплины. И вообще, кажется, я знаю, куда нас занесло волею Бездны. Есть только один остров, где существует войско – это Твердь. Поэтому, когда из-за поворота появился отряд человек в тридцать, закованных в броню, я ничуть не удивилась, в отличие от них.

Командир оказался мужчиной средних лет с резким чертами лица, внимательными карими глазами. Сейчас он удивлённо и настороженно рассматривал нас.

– Кто вы такие? Откуда взялись? – спросил, подходя поближе.

– Меня зовут Леля, мне нужно увидеть градоправителя Утера.

– Утер погиб. Примерно год назад. Городом правит другой человек.

– Погиб? – это было печальной новостью, – Как погиб?

– При нападении драконьеров. Я вынужден взять вас под стражу, до выяснения всех обстоятельств.

Я взглянула на воинов, что окружили нас, и улыбнулась:

– Хорошо, но ребёнок болен, нужны носилки.

До врат мы добрались безо всяких приключений. На первой заставе часовые подтвердили, что никто не покидал пределов наружной стены. Я лишь пожала плечами в ответ на взгляд командира: обратного и не утверждала.

Распорядившись отправить другой дозорный отряд

на патрулирование обрыва, он взялся нас сопровождать. Осёдланные шипохвосты стояли наготове.

Ехали мимо зеленеющих всходами полей, изредка встречающиеся крестьяне шарахались в сторону от верхового отряда, движущегося быстрой рысью. Если бы я не воспротивилась, командир пустил шипохвостов галопом.

День угасал, последние лучи Осколка подползли к самому краю зубцов городской стены, а она была ещё довольно далеко. В ночной бурой мгле достигли городских врат, и нас беспрекословно пропустили внутрь. Видимо, гонец уже сообщил градоправителю новость о странных гостях.

Проехав по пустым и гулким, по ночному времени, улицам, мимо освещённых окон домов и харчевен, оказались у дома градоправителя. К этому времени я изрядно устала, и с завистью поглядывала в освещённые окна – мне ещё долго не видать отдыха.

Нас провели в небольшую комнату без окон с двумя узкими кроватями и оставив лампадку, доверху наполненную жиром твари-из-бездны, заперли.

Уложив Вешу, так ни разу и не проснувшуюся за всё это время, я присела рядом. Ужасно хотелось лечь спать, махнув на всё рукой, к тому же болели мышцы, отвыкшие от долгой верховой езды. И в какой-то момент, я всё же задремала сидя, подперев подбородок кулаком, и вздрогнула от деликатного покашливания.

В свете двух больших лампад передо мной стояли

несколько человек: двое мужчин и пожилая женщина.

– Вы Леля, спутница Велара? – спросил мужчина, стоявший чуть впереди. Я не могла рассмотреть его лица, ослеплял свет лампад.

– Да, – ответила, заслоняясь рукой, – это я.

– Уберите свет, – приказал он, – пойдёмте Леля, надо поговорить. С вашей спутницей пока побудет знахарка.

– Мы можем поговорить тут, – предложила я. Совсем не хотелось оставлять ребёнка, я ведь обещала.

– Не переживайте, у Илы золотые руки. Она лучший лекарь на всей Тверди.

– Но не вешти, – сказала я, пристально взглядевшись в округлое добродушное лицо женщины. Не почувствовала в ней Силы. – Я права?

– Да, ученица вешти, права, – мягко усмехнувшись, ответила знахарка, на удивление молодым, мелодичным голосом. – Я знаю, как пользоваться травами, кореньями и плодами, но не Силой, которой исцеляют вешти. Но на острове сейчас нет ни одной из них.

– Как нет? – это сообщение стряхнуло последнюю сонливость, – Как это нет? Так не бывает.

Ила пожала круглыми плечами и кивнула на заворочавшуюся под одеялом девочку:

– Если вы сейчас не уйдёте, то разбудите её.

Я заколебалась, глядя на ребёнка: всё равно не хотелось уходить, но мы действительно можем её разбудить.

– Иди, – ободряюще улыбнулась Ила, мягко пожав руку, – она будет спать до утра, ты успеешь вернуться.

И я поверила ей. Может, она и не вешьти, но прикосновение руки сказало многое: Ила действительно целительница и, кроме того, любит людей и заботится о них, а её сердце живёт милосердием. Кивнув, я встала. Мужчины, не вмешивавшиеся в разговор, направились к выходу.

Я молчала, пока мы шли, обдумывая поразительную новость: на этом острове нет вешьти! На всех островах, даже если там была всего одна захудалая деревенька, появлялась вешьти. Да, люди далеко не всегда знали, откуда она, собственно, пришла. Ну, кроме такого случая, как у меня: когда ребёнка отдают в обучение, обнаружив у него эту способность – исцелять. Вешьти были не только целителями, они поддерживали и утешали человека, попавшего в беду, потерявшего близких. Они были, ну... словно духовным стержнем, что не давал человеку сломаться в трудную минуту. Так почему же тут, на большом острове, где живёт так много людей, их нет? Куда делись? Этот вопрос я задала вслух.

– Никто не знает, – ответил тот из мужчин, что говорил со мной прежде. – Мы пришли, проходите.

Открыв дверь, посторонился, пропуская меня вперёд, в ярко освещённую лампадами комнату. Они были установлены высоко над головой, и равномерно освещая комнату, не ослепляя глаза. Обстановку комнаты составляло высокое

резное кресло, стоявшее на возвышении, деревянные лавки, тянущиеся вдоль стен, и явно неуместный здесь, небольшой круглый столик, заставленный блюдами и кувшинчиками.

– Поговорим здесь, если не возражаете – без формальностей, – продолжил он. – Меня зовут Глаб, я занимаю должность градоправителя, а это – моя правая рука – Береги.

Мужчина, до сих пор молчавший, коротко поклонился, но так и не проронил ни слова. Он был намного моложе градоправителя, но цепкий и серьёзный взгляд голубых глаз давал понять, что он занимает это место не зря.

– Рада знакомству, но всё же хотела бы узнать, что случилось с вешти?

– Леля, договорились же – без церемоний, – укоризненно покачал головой Глаб, – а вешти... Никто не знает, что произошло, просто однажды она исчезла. Дом стоит с тех пор пустым. Никто не пожелал вселиться. Да, я проверял: городских стен она не покидала. С тех пор обходимся услугами знахарей. И у меня тоже есть к вам вопросы, не возражаете?

Я пожала плечами: как-то не сомневалась, что вопросы будут. Но градоправитель, добродушно усмехнувшись, указал на столик с яствами:

– Вам налить вина или воды?

Минула большая часть ночи, ушёл, откланявшись Береги, мы остались одни в гулкой зале. Я рассказала всё, почти всё с того момента, как нашла Луня. Глаб оказался внимательным слушателем, умеющим задавать правильные во-

просы в нужный момент.

– Интересная у тебя жизнь, Леля, – заметил градоправитель, и мне почудилась лёгкая зависть в голосе. – Но всё же не понимаю, как ты оказалась на Тверди?

Я знала, что возникнет этот вопрос, и даже приготовилась соврать, что меня высадил драгал, а потом улетел... Но сейчас, глядя во внимательные глаза хозяина острова, понимала, что ужасно не хочу врать. Но рассказать, что я драконьер... почти верная смерть.

Словно давая время собраться с мыслями, Глаб отвернулся и, заложив тяжёлые ладони за спину, отошёл к окну. На этом этаже были не бойницы, как внизу, а обычные окна, задёрнутые тёмной тканью.

– Дело в том, что дозоры проходят по обрыву каждые два часа. Мне доложили, что сегодня не видели ни одного драгала, а там, где вас нашли, утром наблюдалось странное волнение бездны. Командир дозора даже подумал, что это место рождения новой твари, но потом всё успокоилось, и дозор отправился дальше. А на обратном пути наткнулись на вас...

– В то, что я сейчас скажу, трудно поверить, – наконец решилась я, – и тем более трудно поверить в то, что цель осталась прежней: я хочу уничтожить Бездну. Прошу вас помнить об этом. Дело в том, что я, в какой-то степени... драконьер.

Я замолчала, ожидая реакции, но он даже не повернулся.

– Мы были на небольшом острове, и спутники, поняв, кто

я такая, оставили нас с Вешей, – если уж быть откровенной, так до конца. – Мы провели там довольно много времени, а потом... потом нас почтила визитом Бездна.

Не знаю, зачем она перенесла нас на Твердь. Вот, собственно всё...

– Ила это сразу поняла, – наконец повернулся Глаб, – поняла, что Бездна изменила тебя. Но также она сказала, что ты осталась человеком внешне не просто так, ты продолжаешь бороться.

– Так вы... всё знали?!

– Я не знал деталей, только в общем.

– Вы сильно рисковали, а что, если бы Хозяйка хотела убить вас – моими руками?

– Едва ли, – беспечно рассмеялся градоправитель, – во-первых, я слишком мелкая сошка, во-вторых, убить меня не так-то просто. Я далеко не всегда был чиновником.

– Значит, зависть в вашем голосе не почудилась? – усмехнулась я. И наконец-то поверила, что мне повезло, и я встретила людей, способных верить и помочь. И всё стало легко и просто, словно я встретила старых друзей. – Вы воин, а в этом доме мечом не помашешь...

Глаб только хмыкнул в ответ.

– И что же будем делать дальше? – поинтересовалась я, – Теперь, когда вы всё знаете?

– Ждать, Леля, ждать. Мы должны понять, в чём цель Бездны, зачем ты нужна ей здесь.

– Понятно, – вздохнула я, – опять ждать.

– Да. И Леля, ради твоей безопасности и спокойствия горожан, я приставлю к вам с девочкой охрану, но можете свободно передвигаться по территории города.

– А за городом?

– Только до внешней стены. Чтобы бездна тебя ещё куда-нибудь не закинула. Без обид, ладно?

– Да какие уж тут обиды...

– А теперь, я думаю, пора отдохнуть. Завтра будет очередной длинный день, мы встретимся опять и попробуем что-нибудь придумать. А пока пойдём, провожу тебя в комнату.

Лунь. Сны и видения

Две седмицы пролетели незаметно – в заботах и хлопотах. Трофей покори́л сердца малышни, но взрослые относились к нему настороженно, не забывая, что он – тварь-из-бездны. Здорово выручало присутствие Лютня. Несмотря на провалы в памяти, он знал, как управляться с драгалом, к тому же оказался прекрасным наставником, умеющим ясно и доходчиво разъяснять непонятое.

Светана, после бурного проявления чувств при виде невре́димого брата, вновь замкнулась в себе, но учитывая пережитое, в этом не было ничего странного. Она отчуждённо отнеслась к новым знакомым и равнодушно исполняла всю работу, приходящуюся на её долю. Иногда я ловил на себе её задумчивый взгляд, но девушка сразу же отворачивалась, и я не мог понять, о чём она думает.

Кроме премудрости обучения управлению драгалом, следовало заняться ещё одной проблемой: запасом провизии на время путешествия. На угнанном мной и драконом судне запас харчей был небольшим, очевидно, припасён Ярсом для пленников-людей: создавалось такое впечатление, что драконьеры не употребляют обычную пищу. Но за счёт чего они тогда существуют? Неужели же я был прав относительно того, что драконьеры подпитываются Силой Бездны? Из-за этого-то «выбраковка» Ярс и вынужден был использовать

некоторые весьма редкие и зловредные растения? Поэтому столько знает о них...

Пришлось разделить на две команды: одна уходила на охоту, вторая занималась на палубе драгала. Конечно, в какой-то степени это было рискованно: появившись драконьеры, у оставшихся не было никакого шанса защитить драгал, но другого выхода нет.

Сегодня на охоту предстояло идти мне с Трофеем, Томету с Тотой и подросткам. Поднявшись до свету, прихватили с собой завтрак и разошлись в разные стороны, пожелав друг другу удачной охоты и уговорившись о месте встречи.

Нам с Трофеем досталось направление на восход – по левую руку от стоянки. Возле лагеря давно уже распугали всю дичь, даже твари-из-бездны не забредали сюда, поэтому мы пошли по обрыву, чтобы уйти подальше и побыстрей.

Медленно всходил Осколок, пронизывая багровое марево золотистым светом, превращая его в лёгкую волшебную кисею, с леса тянуло прохладным ветерком, как всегда на рассвете. Он нёс сухие, тихо шелестящие листья, которые над Бездной мгновенно вспыхивали и бесследно сгорали. Было тихо, только где-то далеко пела птица. И я сполна ощутил мрачное очарование этого рассвета – Мир ждал перемен и не знал, дождётся ли? И каких?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.